

Михаил Кранц

Охота на гончую

Михаил Кранц
Охота на гончую

«Издательские решения»

Кранц М.

Охота на гончую / М. Кранц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747870-4

V век — время кровавых битв во славу старых и новых богов. Но что, если грозные боги и демоны стали из мифов реальностью и получили возможность менять ход истории? Как выжить смертному, попавшему в этот ад на Земле? Наш современник Николай Варга не выбирал такую судьбу. Став жертвой глобального эксперимента, он очутился в жестоком прошлом и, казалось, был обречён. Однако прыжок сквозь столетия разбудил нечто, скрытое в нём самом. Не зря в этом жутком, изменившемся мире его зовут Адской Гончей.

ISBN 978-5-44-747870-4

© Кранц М.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Белый воин	6
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	16
Глава V	19
Глава VI	22
Глава VII	26
Глава VIII	29
Глава IX	33
Глава X	36
Глава XI	42
Глава XII	46
Глава XIII	49
Глава XIV	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Охота на гончую

Михаил Кранц

© Михаил Кранц, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Белый воин

Глава I

– Вот же...

Воскресенье начиналось не лучшим образом. Сперва Николай битых полчаса не мог открыть дверцу старенькой, выдавшей вида «тойоты». Когда это, наконец, удалось, возникла другая проблема – завести изношенный в хлам двигатель на тридцатиградусном морозе. Но вот машина, презрительно фыркнув, будто сама собой вырулила на привычный маршрут – мимо серых многоэтажных домов и деревянных трущоб Благовещенска, похожего на десятки, если не сотни типовых городов-близняшек, детей своего времени. И столь же одинаковыми, чуть ли не слитыми воедино, казались медленно всплывавшие в памяти аэропорты, вокзалы и даже лица. Такова была жизнь во всех ее проявлениях, легко предсказуемых, как повороты знакомой дороги.

Впрочем, Николай с ранних лет не питал надежд повстречать за очередным завитком тропы чудо чудное или, на худой конец, диво дивное. И уж подавно не грезил о сказочном замке, коне и блестящих латах. Даже в прекрасных принцесс не верил: в детстве не понимал, откуда они и зачем, а чуть позже на личном опыте убедился, что нет их в природе. И все бы хорошо, но только реальность, окружавшая Николая повсюду, интересовала его еще меньше. Кроме отдельных деталей, черт и еле заметных черточек, о которых едва ли должны думать люди, по крайней мере – люди нормальные.

Вот и сейчас он слушал, казалось бы, привычный рокот мотора. Не как водитель, способный определить на слух неполадки, а словно верующий – церковный хорал. Пускай не только в церкви, но даже в сектантской молельне от такой музыки наверняка бы шарахались. Слишком в ней много чужого, забытого черт знает когда. От первой грозы над берегом древнего моря, до рева монстров из прежних эпох. Будто с каждой сгоревшей частицей топлива освобождается память земных пластов, где она когда-то возникла. Дерево, попав в огонь, ведет себя еще более странно – ведь оно помнит прошлое мира людей. Быть может, поэтому люди часто всматриваются в пламя костра, но кто хоть раз попробовал вслушаться?

Чтобы прогнать пустые мысли, Николай включил допотопную магнитоу. И вздрогнул от неожиданного, прямо-таки убойного резонанса. Казалось, в унисон зазвучали дорога, мотор и мощный, несмотря на «севший» динамик, голос.

Кровь за кровь!

В том воля не людей, а богов¹

Стало вдруг страшно. До тряски, до тошноты, до поросычьего визга, что грозил вот-вот вырваться из гортани. И главное – безо всякой разумной причины, отчего с каждой секундой делалось только страшней.

Здесь твой ад!

Ты знаешь – нет дороги назад...

И в этот миг Николай действительно ЗНАЛ.

Стрелка спидометра перевалила за сотню. Для старой, разбитой колымаги это было реальной угрозой, но Николай ничего не мог поделать с собой. Руки словно вросли в «баранку», нога – в педаль газа. Хотелось лишь одного – как можно быстрее проскочить

¹ Здесь и далее – стихи М. Пушкиной.

этот чертов участок пути. Сквозь лес, мимо сопки, что ярко белеет вдаль, как череп гиганта. За поворот над оврагом у самой обочины... Дьявол!

Большая черная птица – то ли канюк, то ли ворон – метнулась призраком, едва не влетев в лобовое стекло. Нельзя сказать, что Николай испугался сильнее, чем прежде. И все-таки неожиданность заставила растеряться, ослабить контроль – как раз на скользком, как городской каток, повороте.

Сбив ветхое ограждение, машина перевернулась в воздухе. Удар о склон Николай встретил в полном сознании. Мало того – сквозь треск металла и пластика по-прежнему уносилась в пространство музыка. «Пиратская» запись, скверная и беспорядочная, как мысли в окровавленной голове.

*Я не хочу той пустоты
Я не хочу той чистоты
Я не хочу той высоты
Я не прошел всего пути!*

– Нет! – успел выкрикнуть Николай, прежде чем громко хрустнули ребра, и пламя, взревев, охватило смятый в лепешку салон.

* * *

«Ну вот, и съездил на тещину дачу!» – мелькнуло слабым всполохом под черепной коробкой. Спустя минуту-другую Николай уже стоял на ногах, целый и вроде бы невредимый. Хоть и в чем мать родила, но, может, в мире ином так принято? В трансцендентной сущности здешнего бытия Николай поначалу не сомневался. Здравый смысл подсказывал: после такой петли Нестерова даже в кино не живут. Пытаясь развеять страх, Николай хохотнул над собственной жалкой шуткой и тут же осекся. Смех походил на скрежет – будто лезвием по стеклу.

В конце концов, оглядевшись, Николай был вынужден отбросить заупокойную версию. Слишком уж мало отличалось увиденное от грешной земли. Даже проклятый овраг никуда не делся, и теперь его склон исправно закрывал Николаю обзор. Машина, правда, исчезла – вместе с дорогой и снегом, что прежде лежал метровым слоем повсюду. Зато наверху, словно из непривычно теплого воздуха, появились два низкорослых, одетых в бесформенные лохмотья субъекта. Оба вполне могли принадлежать к местной китайской диаспоре и выглядели отнюдь не лучшими ее представителями. Тот факт, что один из бродяг натягивал длинный, грозного вида лук, Николай сперва игнорировал, сочтя полнейшим абсурдом.

– Хэй, саган! – крикнул другой оборванец.

«А говорок-то странный», – удивился мысленно Николай, когда-то стажировавшийся в Поднебесной.

– Совсем обнаглели, косые, как у себя дома! – добавил он вслух. – Нет, чтоб по-русски...

– Хэй?

Лучник недвусмысленно вскинул оружие, целясь точнее, и лишь тогда Николай осознал угрозу. Другой так же просто, без обиняков, поманил пальцем. Трудно сказать, почему Николай воспринял это, как должное, не боролся и не бежал, смирился, позволив увести себя в неизвестность. Ведь жизнь и свободу личности он ценил превыше всего. Но первой скорее можно было лишиться при сопротивлении, а потеря второй казалась временной, легко разрешимой проблемой. Уж больно не походила эта парочка на «крутых» бандитов. Да и что с него взять? Избитые пивом почки на трансплантацию? В буквальном смысле гол, как сокол, а требовать выкуп за простого российского инженера не смешно даже. Стало быть, разберутся и тут же отпустят – дело пяти минут.

Николай с радостью ухватился за эту мысль, благо иных после пережитого шока еще не предвиделось. Быть может, потому и поднялся, как миленький, по крутому склону, держа руки над головой. Хоть и тяжело было, зато понятно без перевода – готов подчиниться и, если надо, содействовать... В себя он пришел лишь когда сырмятный, пропахший потом ремень до боли стянул запястья.

На берегу ждала припрятанная в камышах лодка. Без мотора, без паруса. И без единого гвоздя в обшивке, насколько можно было судить. Шла эта посуда даже на веслах удивительно резво, почти не качаясь на крутой амурской волне. А за рекой, возле самой воды раскинулось целое стойбище – шатры, повозки, десятки стреноженных лошадей и привязанных к толстым жердям верблюдов. Трещали костры, дым тянулся к сумрачной стене леса. Торговцы в диковинных одеяниях чинно расхаживали вдоль берега, покуда стражники с копьями наперевес охраняли товар. Живой и двуногий. Иногда говорящий – если хозяин снисходил до вопросов.

– Саган! – указал на Николая один из его похитителей, словно этим было все сказано.

Следующие минут пять Николая тыкали кулаками в живот, щупали ему ребра, дергали за волосы, смотрели зубы... Разодетый в пух и прах желтолицый толстяк – не иначе главный в этом таборе – бурно жестикулировал, торгуясь за необычного, рослого и светловолосого пленника. Охотники за людьми отвечали тем же – ни дать ни взять брокеры на фондовой бирже.

Коню было ясно, что продавцов и покупателя разделяет непроходимый языковой барьер. Да и внешне криминальный дуэт выделялся среди окружавших китайцев. Николай понял это, едва сумел приглядеться внимательней. Один, скорее смуглый, чем желтый, имел вполне европейские черты лица. Другой, с гораздо более светлой кожей, явно был полукровкой, хоть разрезом глаз и смахивал на азиата.

Николай больше не удивлялся – элементарно сил не было. И даже праведный, пусть и запоздалый гнев кипел вяло, не грозя выплеснуться через край. Как и в той, прошлой жизни, когда директор родной конторы велел собрать паспорта работников перед выборами в Госдуму, дабы отдали голоса в нужные руки. «Себе дороже!» – успокаивал Николай бунтующий дух.

Лишь одна случайная фраза на миг вывела его из ступора. Когда обе стороны пришли, наконец, к согласию, китаец отсчитал серебро и, помедлив, вполголоса бросил вслед отчалившей лодке труднопереводимое проклятие «грязным хунну». Странное это слово – должно быть, название жившего за рекой народа – отзывалось в сознании эхом, будило что-то вроде генетической памяти. Топот несметных, бешеных табунов, звон железа, огонь, реки крови...

Николаю пришлось зажмуриться, чтобы прогнать наваждение. И как он дошел до жизни такой, что испугался парочки жалких оборвышей? Вот уж кому повезло! И на него случайно наткнулись, и рядом китайцы эти – не первый день, небось, местным глаза мозолят. Прием невольников у населения, цены договорные, мать их... Хотелось верить, что все-таки здесь не Чечня, и кто-нибудь наверху примет меры, опасаясь международной огласки. Страх и усталость мешали Николаю до конца осознать, куда он попал.

Глава II

Следующим утром рабов подняли с холодной сырой земли, сняли путы и древками копий загнали в реку по пояс – мыться. На мгновение у Николая возникла шальная мысль уйти вплавь, сперва нырнув и задержав воздух в легких как можно дольше. Но эту идею пришлось отменить сразу. Не таким уж хорошим он был пловцом, хоть и получал когда-то юношеские разряды. К тому же в лагере Николай видел луки. Огромные, наверняка дальнобойные – и на середине реки достанут.

Николай вылез на берег и спешно завернулся в какую-то рваную, никому не нужную тряпку. Другой одежды в ближайшем будущем не предвиделось, и все же это было лучше, чем ничего.

Есть пришлось, понятное дело, руками. Из одного большого, на всех, котла, скорей похожего на корыто. Чтобы не возникла давка, и каждый мог приобщиться к кормушке, стража все теми же крепкими древками поддерживала порядок и очередность. Пару раз, когда ситуация выходила из-под контроля, в воздухе громко свистела плеть, и все возвращалось на круги своя.

О происхождении липкой, безвкусной мешанки, предназначенной в пищу, задумываться явно не стоило. Однако ее вполне хватило на целые сутки, до следующего «шведского завтрака». Рабов не морили голодом, ведь они стоили денег. Своего рода экономическая стабильность. Достаточная, чтобы невольник был твердо уверен в завтрашнем дне – таком же, как сегодняшний и вчерашний.

– Ду ю спик инглиш? Ай эм... – украдкой пытался общаться Николай с товарищами по несчастью.

Получалось смешно. Должно быть, английский, как международный язык, здесь не котируется. Да и китайский пленники, хоть и выглядели типичными азиатами, понимали с трудом, намного хуже самого Николая. Хозяева, как он слышал, называли этих людей ухуань – ничего не говорившее ему слово.

Путешествие вдоль реки продолжалось еще неделю, с гораздо меньшим успехом, чем прежде. Купцы приобрели троих пленников с той стороны, да стража поймала двух зазевавшихся рыбаков с этой. Местность становилась все более дикой, безлюдной, и было ясно, что делать хозяевам здесь уже нечего. Окружавшая тишина вдруг наполнилась непонятной тревогой. Николай буквально чувствовал ее на ощупь – словно дотрагивался до змеиной кожи. Странное напряжение усиливалось, пока не повисло в воздухе, грозя превратить рабское стадо в неуправляемую толпу.

Едва караван рабов удалился от берега, тревожный шепот разом умолк. Купцы и стража заметно повеселели, словно путь к месту, где надлежало продать невольников, был усыпан цветами и устлан бархатом. Впрочем, ходили они такими путями-дорогами наверняка не впервые, и потому имели все шансы доставить товар без каких-либо происшествий, в целостности и сохранности. К своему стыду, Николай в глубине души был рад этому. Жить все еще очень хотелось, даже в плену.

Топкие тростниковые заросли сменились обширными редколесьями. Двигаться стало намного легче, и все же долгие переходы в связке с парой сотен людей, безразличных почти ко всему, выматывали Николая полностью. Несмотря на все усилия стражи, рабы часто шли беспорядочно, а не друг за другом, как было приказано. И падали, спотыкаясь о толстый пеньковый канат, привязавший каждого к двум ближним соседями. Тем временем погонщики из кожи вон лезли, понукая строптивых верблюдов, которым не больно-то нравилось тащить на себе шатры, припасы и прочий скарб. Дозорные пронеслись мимо на взмыленных лошадях – во все стороны, откуда могла исходить угроза.

Шум стоял дикий, вонь – как в зверинце. Полчища комаров и слепней покрывали все звонким, кусачим туманом. Так продолжалось, пока солнце, будто стыдясь увиденного, не убежало за горизонт. В пути кормили перед ночевкой – все той же бурдой из корыта. Приправой был аромат жареного на костре мяса, долетавший со стороны хозяйских шатров. А впереди ждала ночь под открытым, усеянным звездами небом. Самое время для размышлений – если бы только хватало сил...

Во сне тревога вернулась. И выросла в ужас – черный и беспросветный, как полночь вокруг. Чьи-то убийственной силы руки (лапы? челюсти?) больно стиснули туловище. Но не причинили вреда – лишь подняли над землей, вверх по звездной тропе, туда, где кончаются пространство и время. Где бездна, плач и срежет зубов... Или надежда, что оставил входящий?

Задыхаясь, в холодном поту, Николай едва сумел разомкнуть вдруг отяжелевшие, будто налитые свинцом веки. Лежа навзничь, он смотрел в неподвижные глаза-звезды – и они заглядывали в него. Ничто не нарушало заведенный Богом порядок, лишь странный, призрачный свет огромного метеора словно росчерком пересек небосклон. И сгинул так быстро, что Николай сомневался, видел ли его в самом деле. А следом – далекий, едва различимый звук. То ли проходящая стороной гроза, то ли ветер принес откуда-то эхо собачьего лая.

– Тянь-гоу! – сдавленно прошептал рядом один из невольников. – Шэнь!

Николай кое-как разобрал слова на исковерканном даже по его меркам китайском. Но смысла в них отыскать не смог, а расспрашивать не хотелось. Дух небесного пса? Бред! Все персонажи здешних легенд вместе с прочими загадками мира не стоили оставшихся часов сна. А утром пришлось позабыть обо всем – вконец измотавший путь не оставил сил даже для памяти. Прошлое с первых дней сознательной жизни казалось лишь четкой последовательностью шагов, как бесконечной, так и бесцельной. Из ниоткуда. Сквозь ничто. В никуда.

* * *

К полудню Николай едва волочил ноги. И когда все рабы в связке как один рухнули наземь, увлекая его за собой, сперва пришло облегчение. Что бы ни случилось, это был шанс отдохнуть. Щекой он чувствовал дрожь горячей земли под копытами, свист и крики бешеной ярости ветром неслись над ним.

Слегка приподняв голову, Николай вдруг увидел, что низкорослый крепыш, еще недавно шагавший рядом, корчится, извивается в залитой кровью траве. Молча, как червяк под колесами. Из пробитого насквозь горла в двух местах торчала стрела.

Не помня себя, Николай орал за двоих. Неистово, по нарастающей, будто стрела терзала его самого, с каждым движением дергаясь и ворочаясь в ране. Страх, накопившийся гнев, фантомная боль – черт знает что еще выплеснулось наружу. Но оставаться прежним Николай уж точно не мог. Что-то сломалось в нем – не иначе прутья невидимой клетки, удерживавшей иную, прежде скрытую половину души. Стиснув зубы, он замолчал и встал на ноги.

Всадники мчались во весь опор, охватив караван кольцом смерти. С криками, слышными издали, на скаку подымая тучи пыли и стрел. И вновь громкий свист, леденящий кровь в жилах, стоны людей, рев бешеных от боли верблюдов... Но Николай и представить не мог, на что способен ответный удар.

Стражники вовремя спешили, встали в круг, и это дало им преимущество. Теперь их огромные луки могли бить прицельно, разя без промаха конную лаву врага. Вожак орды в приметной барсовой шкуре стал первой мишенью. Нелепо взмахнув руками, он вылетел из седла. За ним упали десятка два его воинов. Еще один залп накрыл удиравших, и те, кому повезло спастись, исчезли за стеной пыли. Вслед им сквозь ругань и смех прозвучало знакомое слово «хунну», на этот раз уже с явным презрением. Должно быть, кочевников здешних равнин боялись гораздо меньше, чем их северных родичей.

Даже Николай мог видеть все недостатки стрельбы на скаку, хоть выглядели грабители поначалу эффектно. Пожалуй, на испуг взяли бы, да только не всякого. Землю вокруг усеяли стрелы, однако ущерб каравану был невелик – лишь несколько раненых людей и животных. Большинство сумело продолжить путь. И только раб с переполненным кровью горлом остался лежать позади, умирая в муках. Николай прежде не знал, что с такой раной конец приходит не сразу – если пусть изредка, но все же есть возможность дышать.

Стражники поленились добить несчастного, хоть каждый наверняка это сделал бы для загнанной лошади. Так Николай окончательно выяснил, кто он теперь такой, и что за судьба его при случае ожидает. И еще понял, что скоро не сможет терпеть.

– Хотите домой? – осторожно спрашивал он вполголоса, «простукивая» соседей по связке. – Кто помнит дорогу обратно?

Здесь язык во многом не походил на тот, что Николай слышал прежде, пересекая границу. И все же проблема была не в различиях. Казалось, рабы понимают его с полуслова, но что-то не дает им выйти из ступора. У каждого взгляд мутный, отсутствующий, как у фанатика в религиозном экстазе. Мол, только богам решать, кому быть на воле, кому – в плену.

«Безнадежны... – подумал с горечью Николай, окинув взглядом людское стадо. – Придется одному когти рвать – экстрим по-русски!»

Путь устремился в гору, и вскоре борьба с земным тяготением заставила сосредоточиться на других проблемах.

Глава III

– До Хами добираться месяц, если не больше. А то и вовсе стинем, небесный пес не появляется на пути зря! Неужто в Давани можно продать рабов выгодней, чем на юге?

– Да говорят же тебе – война! – перебил купец начальника стражи. – Видел дым от самого горизонта? Это хунну жгут города вдоль Великой Стены. Ты глуп, раз хочешь с тремя десятками воинов пройти старой дорогой.

– Любой из нас, сянби, в бою стоит дюжины грязных выроdkов!

– Их тысячи, и помощи ждать неоткуда. А в западные царства идти хоть и дольше, зато безопасней. Я удвою жалованье за каждый день пути – так и скажи своим. Пусть выполняют приказ и не лезут не в свое дело!

Николай подобрался к спорящим совсем близко, рискуя нарваться на плеть. Любая информация была для него ценней золота, да что там – воды и пищи! Хотя и слух, и зрение подсказывали: надежды на успешный побег нет.

Уже который день караван шел, не встречая даже грабителей. На много километров вокруг не предвиделось ни людей, ни жилья. Здесь, за стеною гор, посреди бескрайней пустыни Гоби, стража, казалось, должна наконец-то ослабить бдительность. Нападать было некому, да и рабы не могли бежать – разве что на верную смерть от жажды и голода. Но по ночам, как и прежде, несли караулы, а днем, в дороге, невольников еще крепче связывали друг с другом. Словно хозяева после тревожных ночей и дней никак не могли успокоиться, предчувствуя новые беды. Что-то похожее ощущал Николай – уже не впервые с начала пути.

На ночь укрылись в пустом, почти занесенном песками городе. Должно быть, он простоял так не один век. Забытые войны, давно исчезнувшие племена превратили его в руины. Даже Великая Стена не всегда спасала от огня и железа. А поселившийся за пределами укреплений и вовсе был обречен.

– Здесь жили изгнанники, верные прежним богам, – во всеуслышание оповестил купцов кто-то из стражи. – Нет хуже места. Говорят, вокруг до сих пор бродят те, кого они призвали с небес.

Ему не ответили – было уже все равно. Надвигалась буря, и только остатки людского жилья могли послужить защитой. А Николай вдруг подумал, что стражники утомлены, испуганы неизвестностью, и дисциплина в караване хромает на обе ноги. Этим следовало воспользоваться, но как – пока было трудно представить.

Первый песчаный вал, хлестнув, будто плетью, взвился над сумрачными развалинами. Спустя миг земля и небо слились в мутную, ревушую пелену, окровавленную лучами заката. Песок легко проникал сквозь трещины в кладке саманного кирпича, набивался в шатры, под одежду, порой мешая не только видеть, но и дышать. И все же это было намного лучше, чем оказаться в настоящем аду за стенами мертвого города. Вот только очень хотелось пить – как Николай понял, не ему одному.

– Эй, рабы! – перекрывая шум бури, заорал стражник. – Чистить колодец, живо! Ты, – заскорузлый палец уперся в грудь Николаю, – полезешь вниз. Пошевеливайся!

В узкой, глубокой, кое-как укрепленной камнями шахте Николай сперва ощутил облегчение. Живительный холод и долгожданная тишина... Песок, с диким воем метавшийся наверху, здесь падал редко, чуть слышно, как снег морозной безветренной ночью. Огненный всполох выхватил из темноты дно – сухое, в трещинах, заваленное по краям песком и кучами щебня.

Спустившись, Николай воткнул факел в щель меж камней. Снял охватившую тело петлю и крикнул, чтобы подавали все остальное. Номером два на веревке спустили корыто – то самое, из которого ели рабы. Другое универсальное приспособление всех времен и культурных народов – лопату – просто швырнули следом.

И Николай стал копать. Молча, стиснув зубы, уже не задумываясь, что после придется есть из корыта, куда бросал мусор и грязь. Как он и ожидал, с первой попытки не удалось раскопать «жилу» – место подъема грунтовых вод. Посылая наверх одно переполненное корыто за другим, он чувствовал, как тисками сжимает беззащитное тело холод. Босые, загрубевшие ноги теперь и вовсе будто окаменели. Чуть позже началось легкое покалывание в ступнях – плохой признак.

Николай вспомнил, как чистил когда-то колодец на даче. Не босиком, в дырявых обносках, а в теплом, добротном ватнике и в сапогах с двумя парами шерстяных носков. До «жилы» дойти терпения все-таки не хватило. Помог тесть, с которым работали попеременно – в узкой яме не развернуться вдвоем.

Сверху прикрикнули – трудись, мол, не прохлаждайся. Спихватившись, Николай дернул веревку, и рабы потащили корыто вверх. Всего лишь короткая передышка, чтобы согреть руки у пламени факела...

Вскоре Николай почувствовал, что не выдержит. А если и выдержит – вряд ли оправится по пути. Его списали как самого слабого, устававшего слишком часто, а значит, обреченного все равно. Оставят среди песков, дрожащего от озноба и харкающего. Стервятникам на прокорм. А караван пойдет себе дальше: время – деньги, и прибыль должна перекрыть урон.

Ладони до боли сжали короткую рукоять лопаты. Рвануться бы по веревке наверх, да приголубить кое-кого железным «штыком», по-десантному, как не раз видел в фильмах! Бред – кругом до черта вертухаев с оружием. А сил больше нет, и взять негде.

Хотелось завывать от ярости – мутной, бурлящей, словно вода, что внезапно хлынула в поисках выхода. И выход нашелся – совсем не тот, какого следовало ожидать.

* * *

– Смотрите! – донесся вдруг чей-то вопль.

Призрачное сияние, хлынув сквозь плотную завесу бури, вцепилось в край неба над головой. Долго, раскатисто хохотал гром, а после стало как никогда тихо. Даже ветер ослаб, постепенно сходя на нет. А каравана и вовсе не было слышно: то ли ушел, то ли сгинул. Остались лишь Николай, замерший на дне колодца по грудь в воде, и сгусток бледного света над миром – тянь-гоу, небесный пес, громовая звезда...

Знакомый ужас был как боль после долгой анестезии. Хотелось нырнуть с головой, лечь в мягкий, затягивающий песок и больше не подыматься. Ведь все равно из руин не выйти – по крайней мере, живым. Говорят, холод может облегчить смерть, а там, наверху, такой поблажки не будет. Но почему бесчувственное, рыхлое, как снег, тело будто само потянулось вверх, с трудом цепляясь за скользкую от грязи веревку, за малейшие выступы и неровности? Разве не сказано было, что выхода нет?

Перевалив через край колодца, Николай тяжело рухнул на жесткий, как точильный камень, песок. И тут же вскочил, забыв про усталость и боль во вновь обретавших чувствительность мускулах. Слишком враждебным, чужим было все вокруг. Разум по-прежнему метался в поисках подходящей норы, но древний инстинкт приказывал встретить угрозу стоя.

Казалось, до срока наступила заря – последняя в этом мире. Именно так Николай представлял себе Апокалипсис, знакомый по фильмам и книгам. Но вряд ли он хоть на секунду сумел бы вообразить то, что ринулось из набиравшего яркость облака света.

Гладкая, антрацитово-черная туша величиной с кита, покрытая сетью молний и густым, будто мех, дымом, повисла над самой землей. Бог знает, как она это сделала – ведь крыльев не было и в помине. Похожая на пещеру пасть оскалила уйму длинных и острых зубов, но пара огромных глаз-лун вдруг уставилась на Николая со странным, осмысленным выражением. Такое может прочесть хозяин в глазах собаки, проснувшись утром с похмелья. Мол, извини

за лай, тебя сперва не узнать было. Пускай ты и слаб, и глуп, и пахнешь на редкость отвратно – все равно для меня ты Вожак, и никак иначе!

Было бы даже смешно, не оставайся приветливый, чуть лукавый взгляд немигающим взглядом хищника.

«Удачной охоты, старший!» – раздался в мозгу человека все тот же голос, что мигом раньше звал на верную гибель. Чудовище начало медленно подыматься. Волна горячего, пахнущего озоном воздуха чуть не сбила с ног – Николай из последних сил удержал равновесие. Он все еще не мог позволить себе упасть перед зверем на спину, как добыча.

Вскоре тянь-гоу, резко прибавив скорость, исчез в небесах, и мерцающий след протянулся за ним сквозь полночь. Где-то недалеко рвануло – так самолет обгоняет звук. Затем – еще и еще, пока земля под ногами не зашлась гулкой, непрерывной дрожью. Когда все стихло, Николай долго не мог поверить, что по-прежнему жив.

* * *

На караван Николай наткнулся уже поутру, блуждая в лабиринте мертвого города. Зрелище было не для слаонервных. Развалины, где, не сумев удрать, сбились в кучу люди и перепуганный скот, будто накрыло авиабомбой. Треснувший камень, вывернутая наизнанку земля... Ткань, металл, остатки плоти людей и животных – все превратилось в черный от копоти мусор. На уцелевших костях виднелись отметины крупных зубов.

Николая вырвало на пустой желудок, но даже горький вкус желчи не перебил голод. Хотелось жить, пускай в одиночку среди проклятой пустыни. На пределе, цепляясь за каждый ничтожный шанс, но все-таки жить. А значит, как можно быстрее раздобыть пищу, и, главное – воду.

Мутная жижа, наполнившая колодец, была вполне годна для питья, стоило лишь пропустить ее через ткань. Во всяком случае, Николай хотел в это верить. С едой вышло хуже – почти все исчезло или обуглилось дочерна. Оставались лепешки и твердый, сухой, как вобла, урюк, разбросанные караванщиками в суматохе. Удалось даже соорудить нечто похожее на укрытие из обрывков хозяйских шатров. Только теперь можно было надеяться на спасительный отдых. Авось удастся побороть надвигающуюся болезнь – Николай все сильнее ощущал ее приближение.

На третий день мокрая тряпка, что берегла тело от палящего солнца, показалась холодной, как лед. Крупная дрожь заставляла стучать зубами, корчиться под дырявым навесом, забыв про еду и сон. Да и пить уже вряд ли стоило, хоть не было сил удержаться. Вода в колодце стала соленой и горькой, быть может, поэтому окружающий мир порой менялся до неузнаваемости.

– Ты не забыл? – пронеслось в хороводе безумных видений. – Стая не ждет одного, даже если он слаб или ранен. Пора!

– Кто здесь? Откуда? – для тонущего во мгле, едва способного хоть на что-то рассудка вопросы были удивительно правильными.

Казалось, невидимый гость устало вздохнул.

– Не все ли равно? Стоит тебе вернуть здравый ум, как между нами вновь ляжет пропасть. Неодолимая – до поры. А пока слушай. И запоминай, не то пропадешь тут, как остальные. Их не жалко – все они были рабами, даже те, кто покупал и стерег. Мясо для моих гончих. Но ты...

На мгновение голос умолк, как бы сомневаясь.

– Впрочем, надо еще доказать свое право. Ступай вдоль гряды, сможешь – найдешь людей и пресную воду, нет – значит, я ошибся в тебе. Ты сам это выбрал. Очень, очень давно...

Николай был уверен, что никакая сила уже не сдвинет его, полумертвого, с места. Но ветер швырнул горсть песка ему прямо в лицо. Удар вышел сильным и хлестким, будто пощечина. В ярости Николай вскочил, опрокинул навес, пытаясь достать кулаком невидимого

обидчика. И понял, что твердо стоит на ногах, хоть если вновь упадет, то больше не сможет подняться. Шаг, другой, третий... Надежда казалась призрачной, но все было лучше, чем сдохнуть, не отомстив.

Ступни беспощадно жгло, будто каленым железом. Гряда камней на дне пересохшей реки то и дело терялась из виду. Горло пылало, перед глазами плясали цветные круги. Вспомнились недопитые за всю жизнь стаканы, бутылки, фляги. Кровавый фонтан из пробитой глотки раба. А еще – странное ощущение детства, когда, чуть живой от любопытства и страха, ждешь, что в окно постучится сильный и мудрый зверь, закрывая небо когтистой лапой. И он придет, обязательно, как ночь вслед за днем.

Песок хрипло ухнул под тяжестью огромного тела. Совсем рядом – Николай мог дотронуться до мохнатого бока рукой! Наступившие сумерки скрадывали очертания твари, и это лишь усилило страх. Но чудище с громким топотом пронеслось мимо – добыча ждала впереди. С десяток его сородичей уже метались вокруг освещенного костром лагеря. Вряд ли они могли убивать, как тьянь-гоу – ужасом и сжигающей молнией – но в силе и скорости не уступали вновь налетевшей буре.

Что было дальше – Николай помнил смутно. Рев, голоса людей, огонь и темно-красное марево. Горстка безумцев, крутивших длинные палки, не подпуская зверье. И собственный, дикий, неуправляемый разумом крик вожака, гнавшего прочь подвластную стаю. Только бы не упасть, не показать слабость, покуда косматые, похожие на двуногих медведей твари не скрылись из глаз!

Кто-то заботливо подхватил обмякшее тело, казалось, готовое рассыпаться на куски.

Глава IV

Путь уходил в бесконечность. Скользил, извивался, будто змея, вдоль песчаных холмов, шелестя под ногами. Прямой, как стрела, рассекал долины высохших рек. Кружил осторожным и хитрым барсом по склонам гор, обходя камнепады и трещины. Этот новый путь Николай выбрал сам, и потому шел, не жалуясь даже в мыслях. Отвар из сушеных трав, что каждый вечер готовили его странные спутники, прогнал болезнь и с лихвой вернул силы. И он по-прежнему хотел жить – пускай целый мир безвозвратно сошел с ума, в чем оставалось все меньше и меньше сомнений.

Загробная жизнь? Параллельные измерения? Или, быть может, авария на забытой всеми богами трассе неведомо как отворила ему, Николаю Варге, тайную дверь в далекое прошлое человечества? Бред собачий! Разве существовали в реальной истории тянь-гоу, двуногие звери и прочая нечисть, которой самое место в галлюцинациях? И почему приходится быть для этих существ кем-то вроде укротителя в цирке? Без бутылки не разобраться, да только где ее взять, родимую? О куреве уж и разговора нет...

Про дом, друзей и семью Николай пока запретил себе думать. Как и расспрашивать о чем-либо своих попутчиков – пятерку бритых наголо, раскосых и широколицых мужчин в ярко-красных одеждах. Во избежание встречных вопросов лучше было помалкивать и внимательно слушать. Правда, от почтенного Яо лишнего слова приходилось дожидаться часами, да и Тумын с Лабсангом оказались не из болтливых. Наванг и Сыма были не прочь потрепать языками, но только вполголоса – явно стеснялись присутствия старших.

Из разговоров Николай все же понял, что идут эти люди, избегая встречных, в некий священный город Айртам за горными перевалами. Где-то посередине пути на паломников напали голодные демоны – джучи по-здешнему. Атаки не прекращались несколько суток подряд. Люди дрались отчаянно, и все же потеряли двоих в кольце ревущей и воющей нежити. Лишь появление «белого гостя», как успели прозвать Николая спасенные, прекратило этот кошмар.

Спутники тоже не проявляли излишнего любопытства, словно Николай был для них талисманом, улыбкой фортуны, дареным конем, которому в зубы не смотрят. И вправду, джучи больше не приходили, как бы опасаясь незваного гостя. Но требовалось быть начеку, и длинные посохи пилигримов были неплохим оружием – для тех, кто умел ими пользоваться. Николай, закаленный, уже не терявший остатки сил в переходах, с интересом наблюдал неизменные тренировки по вечерам. А однажды и сам попытался встать в стойку.

Сперва получилось смешно. Но Яо, старший из путников, принялся обучать новичка азам боевого искусства. Конечно, о всяких замысловатых приемах, вроде «дракона, ловящего жемчуг» или «взмаха пальмовой куницы хвостом» пока не могло быть и речи. Шаг – и резкий, со свистом, удар сверху вниз, другой – и конец шеста рассек воздух на уровне подбородка. Два боковых в связке, выпад, защита и разворот, уводящий с линии ответной атаки...

Примитивный с виду набор движений давался с трудом, и Николаю оставалось лишь восхищаться искусством буддийских монахов. В том, что все пятеро ими являются, не осталось сомнений. Слишком уж хорошо подходили они под укоренившийся за века образ. Правда, никто из них и слухом не слыхивал про монастырь Шао-Линь. Возможно, его еще попросту не было. Николай боялся и думать, в какую пространственно-временную глушь угодил.

– Ты изумлен и встревожен чем-то, непостижимым людскому разуму, – сказал однажды Яо, словно прочитав его мысли. – Такое случается с каждым, а с мудрыми – не единожды. Выбранный нами путь не всегда прямо следует из причины выбора. Но это – истоки одной реки.

Еще недавно Николай счел бы подобное редкостной ахинеей. Но здесь, у пропахшего топленным жиром костра, под высоким, словно тающим в пустоте космоса небом, это воспринималось совсем по-другому. Как и со школьных уроков знакомое царство мертвых песков –

белое пятно на глобусе, ад на земле, который предстояло пройти. Николай уже слышал, что означает суровое, жесткое, как пустынный ветер, имя этого места. Такла-Макан – «покинутое».

* * *

Руины, затерянные в песках, пришлось обходить десятой дорогой. Никто не знал, что за твари могут скрываться там, и пробовать на них свою власть Николай не решался. В конце концов, валуны и кустарники тоже годились, как укрытие от песчаной бури. Но колодцы были недостижимой мечтой, и приходилось использовать все, чтобы получить драгоценную влагу.

Раньше Николай вряд ли мог представить, как много воды скрыто под высохшим, буквально окаменевшим от жары дном речки или озера. И тем более не догадывался, сколько росы можно выжать из оставленной на ночь тряпки. Не говоря уже о вполне съедобных крысах и ящерицах, что собирались у рукотворного водопоя. Монахи позволяли себе есть мясо, необходимое, чтобы жить.

Так горстка людей, если хоть один из них обладал достаточным опытом, могла пройти там, где был обречен большой караван. Но вскоре пришлось двигаться по ночам, гораздо медленнее, чем прежде – чтобы избежать перегрева, валившего с ног.

Изредка на глаза еще попадались развалины и высокие, правильной формы курганы. Николаю чудилось, будто они мерцают во тьме чуть заметным, бледным сиянием. Точь-в-точь далекий след небесного пса над землей. Как-то во время привала Яо был необычно словоохотлив. И рассказал все, что знал из легенд и преданий о древнем народе, жившем когда-то здесь. О колесницах, преодолевших пески и горы, о долгой битве за святую вершину Кайлас, или Меру, как называли её среди избранных.

Здесь китайский, на котором свободно общались разноплеменные странники, для Николая был слишком сложен. Особенно при обсуждении столь высоких материй. Но мало-помалу все складывалось воедино, будто осколки разрушенной за века мозаики. Полностью воссоздать детали, цвета и оттенки было уже невозможно, но общие очертания угадывались, хоть и не без труда.

В прошлом великий народ, как часто бывает в истории, не выдержал собственного могущества. Вожди – потомки богов Индры, Ямы и Рудры – пытались привить рабам и простолюдинам аскетическую мораль. Ведь легче всего управлять теми, кто не имеет потребностей и желаний сверх малого. Недовольные же, напротив, объявили земные блага смыслом жизни для всех, и число их сторонников росло год от года.

Вспыхнул мятеж, и ответ был жестоким. В долгой, кровопролитной войне победило правящее сословие, но победа далась ему слишком дорого. Некогда величайшая империя обессилела и пришла в полный упадок. Воины, покинув разоренные города, стали кочевниками. От них пошли хунну, че-ши, дин-лины и белые люди западных стран. Мирные жители растворились, бесследно исчезли среди соседей – желтых и черных. И только выжившие главари мятежа, слуги жестокой богини Кали, пытались любой ценой уберечь себя и свою древнюю веру. Так разрушители и хранители поменялись местами, но никто из них уже не мог созидать. От былого величия остался лишь исполинский знак, высеченный на склоне горы Кайлас. Этот «солнечный крест», как называл его Яо, по описанию напоминал Николаю свастику.

– Таков мир, – назидательно произнес монах, завершая рассказ. – Бытие есть страдание, долгая череда рождений и смертей каждого существа, народа и даже бога. Лишь просветление Будды Шакьямуни открыло нам истину...

– Согласен, – поддакнул Николай, зевая. – Мы в эту жизнь попали, как лисица в капкан. Но станешь ее из капкана вытаскивать – лицо порвать может!

Российская народная мудрость в переводе на непривычный язык наверняка звучала убого. Но было видно, что Яо мысль понял и по достоинству оценил.

Вскоре стало не до отвлеченных дискуссий. Перед глазами вставал еще один покинутый город, на взгляд Николая – скорей, небольшой поселок. И что-то странное было в нем.

– Здесь жили совсем недавно, – оповестил зоркий даже в темноте Сыма. – Видите, тлеет повсюду? Город сгорел день-другой назад!

– Это, должно быть, Дунхуа, у самой границы империи, – голос Яо ничем не выдал тревоги. – Так или иначе, нам нужен колодец. Воды в дороге может и не хватить.

Выбирать не приходилась. Оставалась надежда, что люди, запалившие этот костер, все же достаточно набожны, чтобы не связываться с паломниками. А нелюди... При всем уважении к боевым искусствам монахов, Николай мог рассчитывать лишь не себя.

Ближе к закопченной, потрескавшейся стене темными валунами громоздились трупы. Скорченные в предсмертных судорогах, окровавленные, с обломками стрел и копий, застрявшими промеж костей. Иные тела принадлежали людям, иные – мохнатым джучи, а многие вовсе не походили на что-либо, виденное Николаем прежде. Словно жители города и демоны из пустыни объединились против общего, безжалостного врага, но все было тщетно. И теперь, после жуткой бойни, не нашлось никого, чтобы подтвердить или опровергнуть самую возможность такого союза.

– Здесь побывали че-ши из Турфана, – заключил Лабсанг после непродолжительного осмотра. – Живых не оставили. И припасов тоже. Колодец завален трупами – пить нельзя.

Последняя фраза против воли звучала, как приговор.

– Что ж, пора идти дальше, – с философским спокойствием отозвался Яо. – Слишком много убитых, чтобы свершить над каждым погребальный обряд. Да и пахнет просто невыносимо.

Глава V

Высокая, серым пятном мелькающая в лунном свете фигура манит за собой. Это, должно быть, Тумын – самый рослый из пятерки монахов. Его широкая спина для Николая будто маяк среди моря песка, высохшего до стеклянного хруста под дареными сапогами, до похоронной музыки в ушах. Нельзя отстать, нельзя потерять из виду. Разве получится выжить тут в одиночку? А назад пути нет – слишком уж много пройдено, чтобы хватило сил и желанья вернуться, довольствуясь каплей влаги, смочившей губы.

Тумын идет все быстрее. Почти бежит, вот-вот скроется с глаз. За ним! Вверх, по крутому склону, как по облакам, что сгрудились внизу, словно испуганные овечки. Стоп! Откуда, мать вашу...

Нет больше ни звезд, ни луны, ни проклятых песков до самого горизонта. Лишь горы, свет, и ледяной, разреженный воздух, которым дьявольски трудно дышать. Даже Тумына давным-давно нет – и как угораздило принять за него бородатого старца в снежно-белых одеждах? Длинные седые волосы развеваются на ветру, походка на удивление легкая и пружинистая, будто почтенный возраст – только личина, скрывающая немалую силу внутри.

Развернувшись на еле заметной тропке, старик двинулся прямо сквозь островерхую, иззубренную ветром скалу. И пропал, словно его и не было.

– Эй!

Только эхо над горной грядой разлетелось тысячью голосов. Ответ пришел позже, и Николай вздрогнул, услышав его в собственной черепной коробке.

«Калагия, Калагия! Это – священный зов, дорога открыта!»

– Кто здесь?

«Не нужно слов! Есть много такого, что нельзя выдавать в звуке. В нем наша мысль, обретая силу, может нанести величайший вред. Поэтому все, открытое до сужденного срока, ведет к неисчислимым бедам. Великий Странник, Ригден-Джапо, Майтрейя – лишь глупцы и отступники произносят эти имена вслух!»

Ничего и впрямь произнесено не было. Беззвучные мысли – свои и чужие – хороводом вертелись в голове Николая. Впору было предположить раздвоение личности, шизофрению и манию величия в одной упаковке из плоти. Но ослепительно яркий город, раскинувшийся внизу, просто не мог померещиться! Иначе не оставалось смысла жить дальше.

У подножия горы, словно бриллианты в оправе, сверкали великолепные дворцы, соединенные между собой мостами из чистого золота. В том, что город сложен из драгоценностей, не было сил сомневаться. Лишь черная птица, время от времени закрывавшая крыльями «солнечный крест» на соседнем склоне, казалась Николаю вымыслом, жалким обманом зрения, тающим в лучах зари миражом.

Как алмаз, играет, переливается свет на башне посреди площади. Он там, в изумрудных стенах – Великий Странник, вечно бодрствующий на благо людей. Его глаза никогда не закрыты, он видит все земные события, и мысль его проникает в самые дальние страны. Нет для него расстояний, и он мгновенно окажет помощь достойным и доблестным. Его огонь может рассеять любую тьму. Его сокровищницы открыты для всех, кто отдал себя в служение справедливости. Такие, как он, пишут судьбы людей, а после непостижимо их изменяют.

«Вижу, ты многое вспомнил! – вновь послышалось будто бы изнутри. – Когда-то за страшный грех тебя приговорили к изгнанию. Но настала пора очиститься и вернуться в истинный мир!»

Краем глаза Николай заметил черную птицу, что камнем бросилась вниз, перед самой землей вновь расправила крылья и удивительно мягко села на вершину скалы.

«Будь осторожен! – предупредил беззвучный голос. – Этот гриф – дух и плоть врага, он стремится разрушить хранящую тебя силу, отвлечь от поставленной цели. Не поддавайся, исполни предназначение!»

Ведомый голосом, Николай шагнул к самому краю пропасти. Под ним сиял драгоценный город, о чем-то неуловимо шептала река. Еще один шаг – и душа, покинув усталое, болезненное тело навсегда войдет в этот дивный мир красоты и гармонии! Всего один шаг!

Громкий, насмешливый крик прервал наступившую тишину. В нем Николаю почудилось что-то безмерно чужое. И в то же время знакомое – с тех самых пор, как едва не сдох посреди развалин в пустыне. Кричал гриф – резко, отрывисто, как и положено птице, хлопая крыльями, вытянув длинную голую шею... Мерзкая тварь, и ничего больше!

В руке будто сам собой оказался камень, но нарушителя божественного спокойствия уж и след простыл. Вновь глянув вниз, Николай не поверил глазам – так разительно изменилась картина. Вместо волшебного города он с трудом разглядел в полумраке ущелья с десятков жалких глиняных мазанок, прислоненных друг к дружке. На этом фоне башня Великого Странника, или как его там еще, и вправду смотрелась. Но слишком уж претенциозно, словно дача «нового русского» среди вагончиков и сараев рядовых граждан.

«...и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею»². Все это было бы даже смешно, если бы не груда костей, белевшая там, на дне. И как-то не верилось, что их обглодали до блеска лишь ветер, время и трупоеды-животные. Разве крохотные, невесть чем засаженные клочки земли на краю деревни могли прокормить ее обитателей? Вот и думай, что хочешь – в меру своей испорченности...

Гриф снова крикнул, теперь уже с неба, и скепсис вперемежку с сарказмом в его голосе были вполне человеческими.

Вне себя от ужаса и нараставшего гнева, Николай рванулся к скале, где исчез старик, заманивший его в ловушку. В том месте не было ни пещеры, ни ямы – лишь небольшая ступа, кое-как выдолбленная из камня. И вдруг Николай ощутил нечто, исходившее от этого, казалось бы, заурядного предмета. Силу, о которой и не слышал прежде. И еще он почувствовал неодолимую жажду действия – словно все решил очень, очень давно.

Ступа качнулась раз, другой, и сдвинулась с места, когда Николай навалился всем телом. Было тяжело, но все-таки он продолжал толкать скользкий, замшелый камень к самому краю пропасти. Должно быть, он понимал, зачем, только не мог выразить это в мыслях.

«Калагия! Калагия! – вновь стал манить голос, едва он ступил на край. – Шамбала зовет тебя!».

И снова вспыхнул золотой свет волшебного города, заставивший многих в экстазе шагнуть с обрыва. Призрак, пустышка? Или высшая истина, которую не скроют, не опорочат навешенные чары врага? Николай по-прежнему сомневался, но инстинкт выживания уже решал за него, подчинив даже память, выхватывая из минувшего все, что влекло, будоражило, разгоняло по жилам кровь.

Первый миг осознания самого себя – бьющее в окно солнце. Первая драка, боль и страх пополам с безбашенной злостью. Вкус жареного на углях мяса, вина, поцелуя взасос. Огни ночной трассы, деревья у края шоссе будто разбегаются от испуга в стороны, одиночество, скорость и музыка, музыка... Воспоминания – трепетные, живые – лишь дурак променяет их на сомнительный рай!

– Я не стану никогда рабом иллю-ю-зий!!! – орал Николай слова знакомой песни, безбодно фальшивя и заходясь от натуги хрипом.

И грохот проклятой каменной утвари, наконец-то сброшенной вниз со склона, раздался в ответ.

² Евангелие от Луки 4:11.

Ступа падала, цепляясь скалы и ледниковые оползни, разваливалась на куски, и с каждым ударом Николай буквально чувствовал мощный выброс энергии в окружающее пространство, словно души почивших внизу обретали долгожданный покой. Все то же неведомое шестое чувство подсказывало, что Странник лишился отнюдь не простой, легко заменимой вещи. Урон был существенным – не смертельным, конечно, но все же...

Едва обломки достигли дна пропасти, из лачуг высыпали крохотные фигурки. Мир дрогнул перед глазами, исказился, выгнулся дравком лука, и с силой швырнул Николая вперед и вверх. Мелькнули кряжи высочайших гор – голубых, сиреневых, фиолетовых, как на картинах Рериха. Вершины их покрывал ослепительно белый снег, и ярче других сияла гора с изогнутым, будто скорчившимся от боли крестом на склоне.

Падать было страшно до потери рассудка. «Лети!» – велело безумие. Рядом молнией пронеслась большая черная птица, и в крике ее звучало торжество победителя. Яростное солнце едва не выжгло глаза, погрузив Николая во тьму.

Тьма была сухой, ветреной и на удивление прохладной. Тревожный окрик Яо заставил приподнять веки. Перед глазами кружилось, неслоь куда-то звездное небо. Все выглядело, как сквозь дрему, будто свалился лишь потому, что уснул на ходу. Хотелось и впрямь в это верить. Вновь очутившись в ночной пустыне, за сотни километров от Шамбалы со всеми ее трансцендентными прелестями, Николай отказывался что-либо помнить и понимать.

– Вот так и лису из капкана тащат! – буркнул он, подымаясь на ноги.

Глава VI

Утро не принесло долгожданного отдыха. Над горизонтом вставало гремящее облако пыли – медленно, будто солнце. Сперва казалось, что всадники не торопятся, но вскоре их можно было увидеть летящими во весь опор. Блеск оружия, поднятого, словно в приветствии, навстречу рассвету, слепил глаза и не предвещал ничего хорошего.

– Кто это? – только и смог вымолвить Николай, окончательно приходя в себя после ночных странствий.

– Че-ши, больше некому, – откликнулся Яо. – Сотни три – скорее всего из тех, кто устроил резню в Дунхуа.

– И нам... устроят? – Николаю все еще было трудно держать себя в руках.

– Может быть. Только не сразу, – спокойствие Яо казалось безумием. – Если сила и время на их стороне, че-ши не упустят случая принести жертву. Казнить врага тысячью стрел, или что-то еще похуже... Сам узнаешь, недолго осталось ждать.

Спрятаться, как назло, на открытой, плоской, будто тарелка, местности, было негде. Заметив добычу, всадники развернулись, и через миг уже встали вокруг, как вкопанные. Лишь фыркали, били копытами кони, да колыхались цветные одежды и флаги на хлестком ветру.

– Что вам нужно? – даже не верилось, что Яо может говорить так громко и властно. – Между нами нет зла, мы служим одним богам!

– Только верим в богов по-разному, – недобро оскалился рослый, почти с Николая, воин – должно быть, предводитель отряда. – Впрочем, ты прав, монах. Если отдашь белого демона – остальным зла не будет. Ступайте с миром, но без него.

– Он не демон! А если и так – разве не покровительствует Будда не только людям, но и демонам, призракам, дэвам и великанам, чтобы приобщились они к сокровищам его мудрости? Ищите себе добычу в других местах!

Николай не сразу и понял, какого демона этим че-ши, в прямом смысле, надо. А монахи уже сгрудились вокруг, прикрывая его. Молча, с грозными посохами наготове. Это был вызов, но всадники лишь расхохотались в ответ. Они не боялись демонов, и уж тем более – жалкой горстки людей с палками наперевес.

В воздухе громко, пронзительно засвистели арканы, азартные крики воинов понеслись им вслед. Миг – и захлестнут, опрокинут, проволокут по земле! Но длинные посохи, в то же мгновение раскрутившись до бешеной скорости, одну за другой сбили вниз змеистые петли. В рядах че-ши раздались изумленные возгласы – это было настоящее мастерство.

Предводитель всадников что-то выкрикнул на своем отрывистом языке, и отряд снова пришел в движение. Похоже, было решено исполнить приговор на месте. Теперь че-ши скакали вокруг обреченных, как в бешеной ритуальной пляске, выпуская стрелу за стрелой. Целились мимо, но с каждым выстрелом смерть пролетала все ближе. Вот-вот наконечник вонзится в колено – должно быть, жуткая боль. Затем настанет черед ступней, ладоней и паха...

Казнь тысячью стрел! Спешить палачам уже некуда – в безлюдной пустыне жертвам не будет подмоги. Можно сполна насладиться их страхом и болью, убив далеко не сразу. И посмеяться вдоволь, если живая мишень, не выдержав, сойдет с ума. Николай был уже близок к этому. Будто со стороны он слышал собственный голос, убеждавший не проливать кровь ради него одного.

А всадники продолжали скакать, и с каждой минутой их строй все больше походил на «солнечный крест» – распластанную на песке свастику. Будто вернулся двадцатый век с его массовыми шествиями нацистов. Не было лишь темноты с факелами, как когда-то в Нюрнберге – че-ши, враги демонов, охотились на заре, наверняка почитая светлых богов и Солнце. Зато в избытке хватало жестокости, и шестеро в центре гигантского символа чувствовали это,

как никто другой. Воздух над головами дрожал, разбегался искрящими волнами, словно что-то огромное и живое билось о невидимую преграду.

Стрела просвистела над головой Николая, всколыхнув волосы. И следом ударил резкий, оглушительный крик – скорее, звук мощного выдоха, поднявший испуганных коней на дыбы. С этим криком, перехватив посох, будто копьё, Яо врезался в гущу всадников. Четверка монахов рванулась следом, опрокидывая, тесня, ломая строй, древки луков и кости. Порыв, сколь безупречный, столь и бессмысленный – три сотни воинов так не одолеть. Если только...

Николай вздрогнул – интуиция не обманывала его. Знакомое ощущение скованности и тревоги предшествовало атаке с неба – яростной, беспощадной.

– Назад! Быстрее! – закричал он товарищам.

Как ни странно, его услышали. И даже повиновались, пускай с неохотой. Сыма уже умылся собственной кровью, а из предплечья Наванга торчала стрела.

Все пятеро лишь чудом оставались живы. Но, обескураженные внезапной, атакой враги отпрянули, зажимая друг друга в толпе, теряя подвижность, и теперь их с грохотом настигала летящая смерть. Тянь-гоу – целая стая! – миг появившись, будто из пустоты, шли ровно, красиво, как истребители на бреющем полете. И с каждым заходом Николай все отчетливее слышал их мысли – безмерно чужие и вместе с тем пугающе ясные.

«Мы пришли, старший!»

«Как было обещано».

«Прости, что не сразу – здесь слишком вязкое время».

«Зато много мяса! Мяса и крови!»

Какой-то миг Николай, забыв обо всем, попросту любовался жестоким и все же великолепным зрелищем. Небесные псы, на самом деле и не псы вовсе, скорее, напоминали хищников океана – акул и касаток. Массивные, обтекаемые тела, резко снижаясь, хватали, подбрасывали и уже в воздухе рвали плоть на куски. Вот как сырое тесто шлепнулся на песок конский круп, взлетело окровавленное тряпье, подпрыгнула голова, сверкнув островерхим шлемом... Чудо-вища будто играли своей расчлененной добычей.

Картина была мерзкой и в то же время захватывающей. Невероятное чувство – как и ностальгия при обширном провале памяти. Но Николай откуда-то знал: дальше так продолжаться не может. Подобно акуле, что задыхается в неподвижности без омывающего жабры потока, небесный пес не в силах надолго остановиться. Ему даже трудно замедлить движение. Что-то вокруг – то ли воздух, то ли некий эфир – должно обтекать тянь-гоу сверхмощными волнами, поддерживая в огромном теле странную жизнь. А может быть, это время – здешнее, «вязкое», как назвала его стая?

Так или иначе, маневры над перепуганным, сбившимся в плотную кучу врагом лишали небесных псов драгоценной скорости. Но убивать сразу, летящими во все стороны молниями, тянь-гоу почему-то не стали. Боялись за Николая и его спутников? Раз так – оставался шанс уцелеть.

Время на крохотном, утоптанном до твердости камня клочке земли, где с трудом помещались шестеро, и впрямь стало вязким, почти застывшим. А вокруг бушевала смерть, по странной прихоти обходя этот островок посреди кровавого моря. Вот-вот псы добьют уцелевших, парализованных страхом людей и животных. И тут же исчезнут, неспособные задержаться дольше, чем на пару мгновений. Но сверху уже обрушилось, ударило в глаза золотое пламя, миг приняв облик гиганта на огнедышащем скакуне.

Кровь жертвы, кровь палачей – для ритуала было все равно. И Николай вдруг понял, что происходит, КОГО призвал в этот мир безжалостный обряд казни. Слишком хорошо он запомнил голос, что снова вернулся, проникая все глубже в душу.

– Я сброшу тебя в бездну, как ты сбросил алтарь – тебя и твоих прихвостней! – вслух произнес Странник, точно ударил гром.

Конь под ним замер остывшей лавой – лишь дикие, налитые кровью глаза вращались и сыпали искры. А следом двигались руки всадника. Восемь гибких паучьих рук – как раз по числу налетевших тянь-гоу. И каждая разматывала сверкающую, будто сотканную из огня сеть.

Это была неравная схватка. Небесные псы, атакуя, рвали сплетенья лучей, бились птицами в тенетах света, но вскоре попросту замирали в воздухе. Что может быть хуже для тех, чья жизнь – лишь эхо движения? Николай чувствовал, как их энергия, не отыскав выхода, буквально сжигает огромные тела изнутри, пытаясь высвободиться в немом крике. Стая гибла, вожак не сумел спасти – остальное было уже не важно. Хотелось лишь привести в чувство проклятый, бредящий смертью мир, встряхнуть его, вывернуть наизнанку! Уничтожить, если сможет преодолеть. Если... Сможет...

Подобной силы Николай не ощущал в себе прежде. Никто, никогда такого не ощущал – в этом он был уверен. И едва ли сумел бы сдержаться, вздумай даже попробовать. Словно угли в языках пламени рассыпались крохотные, почерневшие вмиг фигурки – охотники, жертвы, победители и побежденные.

Прах к праху. Огонь к огню.

* * *

Сгоревшая дотла земля выглядела аспидно-черной – почти идеальный круг шагов пятисот в диаметре. Внутри него все покрылось пеплом и хрупким стекловидным оплавом. Различить что-либо в этой дымящейся каше было уже невозможно.

Лишь возле самых ног Николая тускло блестел неведомо как уцелевший предмет. Всего навсего нож – простой, весь в зазубринах, со слегка оплавленным острием и треснувшей рукояткой. Слишком короткий, чтобы считаться оружием. Такими монахи, забыв про усталость, брили головы каждый день изнурительного пути.

Рискуя обжечь ладонь, Николай поднял находку – вдруг пригодится. Ни гнева, ни жалости, ни вины он больше не чувствовал. Словно включился некий предохранитель, мешая окончательно сойти с ума. Ведь могло быть и хуже – в сотни, в тысячи раз, хоть сам черт бы не разобрал, откуда это известно. Как и то, что именно Николай стал причиной всеобщей гибели в раскаленном аду, пусть и помимо воли. Не стоило тратить без толку время, пытаясь найти оправдание и даже просто понять.

Темный, распластанный силуэт у самой границы выжженного пятна Николай заметил не сразу. Мешал кровавый след, растекаясь по твердому от жары песку и скрадывая очертания. Раненый воин, забыв про гордость, упрямо полз прочь – медленно, слепо, как гигантское насекомое. А ведь он был, пожалуй, одним из лучших. Иначе не вырвался бы из толпы, обездвиженной страхом, что внушали собравшиеся здесь силы. Но вскоре и он упал на песок, в лужу крови из порванного зубами бока. И больше не смог подняться – а значит, подписал себе приговор.

От души врезав крепкой, горячей подошвою сапога, Николай перевернул тело навзничь. Так было удобнее. Он уже знал, для чего ему нужен этот, последний враг, и не строил иллюзий, что сделает все чисто и безболезненно.

На окровавленной куртке воина был вышит знакомый «солнечный крест». Лицо – застывшая маска боли – казалось давным-давно мертвым, и только в глазах еще тлели ужас и ненависть.

– Саган! – прошипел с натугой чужак, будто проклял.

Странно, но меньше всего че-ши походил на арийскую белокурую бестию. Смуглый, темноволосый, с вытянутым, как у хищника, профилем, он сильно напоминал Салеха – студента-иранца, с которым Николай когда-то учился в Москве. Но тот был, что называется, своим в доску. Любил гитару, походы, сборища у костра, мог за компанию даже водки хряпнуть

вопреки законам ислама. И уж подавно ни за каким шайтаном не стал бы никого убивать, как эти, мать их...

Николай зло глянул на распростертый у ног полутруп. Все равно не жилец, да и не заслужил иной участи. Чем он лучше тех же тянь-гоу, хоть они и не люди? Или монахов, которых пришлось развеять по ветру пеплом, пусть даже без умысла? Николай оправдывался, взвинчивал нервы, чтобы решиться, но инстинкт уже действовал по своим правилам. Хотелось пить, да так, что на место жажды пришла вдруг губительная, неодолимая слабость. Счет шел на мгновения – не оставалось времени для моральных проблем.

Рухнув на че-ши, словно и сам был ранен, Николай всем весом прижал к земле руку врага, из последних сил потянулся к охрипшему горлу... Нож пригодился – повезло нащупать и перерезать артерию. Это было намного лучше, чем лакать кровь из грязной, рваной дыры в боку.

Как и ожидал Николай, аккуратной работы не вышло. Алый, теплый фонтан брызнул прямо в глаза, омыл живительной влагой лицо, стекая на губы. Николай знал этот вкус – ему уже доводилось пить кровь убитых в пустыне животных. Теперь ее было много, как никогда.

Прошло полчаса, прежде чем Николай оторвался от свежей раны. Встать удалось на диво легко. Над головой, словно туча в безоблачном небе, пролетел черный гриф, и он, не раздумывая, двинулся туда, где скрылась за горизонтом птица. Чтобы не сбиться с пути, приходилось в оба следить за солнцем и звездами, как учили монахи. А ночью идти, или днем – на пределе было уже безразлично.

– Только жизнь здесь ничего не стоит, – шептали, как молитву, вновь пересохшие губы. – Жизнь других – но не твоя!

Вскоре удалось найти воду под сухим руслом – хватило, чтобы наполнить доверху уцелевший бурдюк. А через какое-то время – Николай уже не мог считать дни – перед глазами, будто мираж, раскинулся город. Местные жители называли его Яркенд.

Глава VII

Запах похлебки, витавший перед обедом во всех помещениях храма, навязчиво щекотал ноздри, дразнил, как несбыточная мечта. Путь из Яркенда в Айртам не был для Николая легким, да и здесь его не встречали объятьями. Голос пожилого настоятеля храма был недоверчив и зол.

– Хм, значит, пятеро наших братьев погибли в дороге? А может, ты их убил и хочешь теперь замолить свой грех?

– Так вышло.

У Николая не оставалось сил оправдываться и лгать. Да и не было смысла – здесь каждый мог обвинить его в чем угодно. Зачем он вообще явился сюда? Стряхнуть с души груз, от которого не избавиться в принципе? Отдать покойным последний долг – так кому от этого легче?

– Ступай в Зал Статуй, – тон настоятеля, окруженного десятками стражей, не допускал возражений. – Присутствие божества поможет тебе очиститься!

Медленно, с жутким скрипом, отворилась еле заметная дверь в стене. И вскоре захлопнулась, отрезав дорогу обратно.

Сперва увиденное не очень-то впечатляло. За время странствий Николай уже не раз слышал о статуях в храме. Вот Шакьямуни в привычной позе – на корточках, вот названный богом кушитский царь в нелепом венце. Вот обнаженный, как принято у греков, Арес – повелитель войн. Ходили легенды, что его воздвигли еще при Александре Великом, а после оставили здесь навсегда. Ведь как учил Будда, все боги – одно, лишь пути к ним разные. Куда порой такие пути приводят, Николай уже знал. И потому держался с опаской, медленно перераставшей в страх. Широкий, просторный зал, освещенный лишь дымными факелами, рождал гнетущее чувство. И ни единого живого лица, ни звука шагов, кроме собственных! Так продолжалось, покуда что-то невероятно тяжелое не ударило с адским грохотом в пол.

Николай обернулся, и замер, не в силах двинуться с места. Это был оживший кошмар. Статуя Ареса зашаталась, кроша ногами-колоннами узорные плиты, и вдруг широко шагнула вперед. Вот гневный бог уже рядом – высокий, будто скала, с гордым даже в злобе лицом, неестественно ярко сверкающим в пламени факелов. Храм гудел и трясся – проснулся бы мертвый. Но никто не бросился открывать запертую снаружи дверь.

Лишь когда каменный, с центнер весом, кулак взлетел в убийственном взмахе, Николай очнулся. И еле успел отскочить в сторону под громовой рев гиганта. Так, разве что тише, воскликнул бы человек, не попав тряпкой по мухе. Укрывшись за изваянием Будды, Николай мог разглядеть в полумраке все остальные статуи. Они сидели, стояли, толпились вокруг, как зрители в ожидании казни.

Кулак Ареса, чудом не разлетевшись вдребезги, одним движением снес каменную голову с плеч в попытке достать Николая. Обезглавленный Будда качнулся, будто стремясь вернуть смещенный центр тяжести. Стуча зубами от ужаса, еле осознавая, что делает, Николай всем телом толкнул потерявшую равновесие статую под ноги богу войны.

В ярости Арес рванулся навстречу, и это усилило эффект столкновения. Обломки разбитых колоссов крушили стены, полы, скульптуры; увесистый камень рикошетом высадил дверь. Все это Николай видел лишь краем глаза, упав, забившись в какую-то нишу, как таракан в трещину. Но когда стражники во главе с настоятелем ворвались в зал, он уже стоял в полный рост, крепко сжимая так и не потерявшийся нож монаха. Не густо против тяжелых, обоюдоострых клинков, но выбора не было. Да и окажись под рукой настоящее оружие, что с того? Прожив больше года среди кровавых обрядов и войн, Николай все еще с трудом отличал один конец меча от другого.

Сказать, что настоятель был в полной прострации – значило не сказать ничего. Быть может, он и впрямь хотел казнить Николая лишь муками совести, а все остальное задумал кто-то иной, гораздо более мстительный и могучий? Кто заманил «демона» в ловушку Шамбалы, навел на его след фанатичных безумцев – че-ши? Слишком мало знал пока Николай об окружавшем мире. Зато мир, казалось, был неплохо осведомлен о нем.

В кольце обнаженных мечей голова решительно отказывалась соображать, готовясь к близкой разлуке с телом. И Николай просто-напросто плюнул – смачно, прямо кому-то под ноги, кровью из черт знает как разбитой губы. Крепкие, вооруженные люди тут же отпрянули, словно от морового поветрия.

– Что ж, – к настоятелю все-таки вернулся дар речи. – Кто бы ты ни был, ты можешь потерять кровь, а значит, уязвим и смертен. Ступай обратно в пустыню, к сородичам – когда-нибудь заслужишь иную участь. А пока не ищи ссоры. В храме сотни обученных воинов, преданных мне, как цепные псы. И я не буду считать, скольких ты убьешь, прежде чем тебя разорвут в клочья.

В тумане из опускавшейся каменной пыли Николаю почудилось, что осколок лица Ареса сверкнул уцелевшим глазом – безумно и яростно.

* * *

– Пять стихий хранят благополучие в твоём доме. Следи, чтобы не было между ними вражды.

Шуганув напоследок старой, обглоданной костью по медному тазу, Николай театрально закатил глаза. Этим он обычно давал понять, что сеанс окончен. Широко известному в узких кругах практику черной, белой и продольно-полосатой магии надлежало всегда уходить красиво. И, по возможности, быстро: вдруг кто-то из местных гениев осознает, что снять сглаз и повесить на уши – две стороны одного процесса. К счастью, народ попадался удивительно легковёрный. И Николай утешал себя мыслью, что его слова, прыжки и ужимки, по крайней мере, внушают людям спокойствие и веру в себя. А это, как ни крути – основные слагаемые успеха.

Была и другая причина гордиться новой профессией. Караваны, с которыми ходил Николай, избегала трогать вся нежить, бесновавшаяся вокруг. Опасность она представляла немалую – в этом Николай лишней раз убедился, однажды спугнув деливших добычу тварей, прозванных гуль. Распотрошенный, наполовину съеденный детский труп запомнился ему надолго.

Именно слава хранителя торговых путей, а вовсе не погром, устроенный в храме, постепенно сделала Николая преуспевающим колдуном. Его называли Саган – «белый» на большинстве кочевых языков – и это стало чем-то сродни псевдониму. Он часто задумывался, как далеко и долго путешествуют иногда слова. Карл Саган, Франсуаза Саган – откуда такой фамилии взяться в Европе?

Напрашивался один ответ: что-то или кто-то временами погружает мир в хаос. И прежние, отслужившие свое границы культур, языков и народов рушатся ко всем чертям. Или к гульям – как будет угодно. Близость таких перемен ощущалась и в прежней, родной Николаю эпохе. Здесь же все просто кричало об этом.

Странные, бесноватые речи заезжих и местных пророков будоражили обывательские умы. И люди бежали к тем, кто попроще – колдунам, шаманам, гадателям – за советами, как выжить в грядущей битве Добра и Зла. Советовали в основном такую же чушь, разве что слегка приспособленную к обычным людским чаяниям и стремлениям. Николай был вынужден заниматься и этим – годился любой источник дохода. Жаль только, избегать неприятностей удавалось далеко не всегда.

Вот и теперь, едва рука, совершив «фирменный» ритуальный пасс, потянулась за гонораром, раздался подозрительный шум. Два вооруженных секирами мордворота возникли, будто из ниоткуда, и замерли в боевой готовности, перекрыв узкую улочку с обеих сторон. Прохожие молча сновали мимо, стараясь глядеть исключительно себе под ноги.

– Должен предупредить, – елейным голосом произнес клиент в богатом халате, – что вряд ли мой покровитель оставит такого умелого колдуна, как ты, без присмотра. Он щедро платит за службу – соглашайся лучше добром!

Николай инстинктивно вскочил и бросился наутек, повинуясь давней привычке не верить сильным мира сего, что бы они не сулили. В руке уже сверкал монашеский нож, не раз выручавший в подобных случаях. Никто в здравом рассудке не попытался бы опрокинуть такой ковырялкой воина с боевым топором. Зато ею было удобно чертить прямо в воздухе зловещие письмена, покуда несешь оппонентам бессвязный бред пополам с проклятьями. Достаточно, чтобы обратилась в бегство целая армия суеверных крестьян-ополченцев. Но бравые молодцы вместе с их вожаком лишь на время замешкались, позволив проскочить мимо.

Уходя от погони, Николай вилял по дворам с риском упасть в арык или споткнуться о дынную корку. Он бежал из последних сил, на ходу срывая с себя приметные магические амулеты. Прочь, подальше от сомнительной чести быть личным пророком, провизором, тайным агентом и первым козлом отпущения, если что-то пойдет не так! Николаю часто предлагали все это оптом и в розницу. Слишком часто, чтобы надолго остаться в богатом, но нестабильном, захваченном чужаками Кушанском царстве. Назад, во враждебную землю че-ши, пути и подавно не было. Да что там – выбраться бы из этой захолустной дыры, где улицы – словно щели бойниц, мухи стаями, а грязь под ногами чавкает, как трясина! Столько раз везло – пора и честь знать.

По счастью, на мага в этих краях выходили, как на медведя. Тяжелое оружие явно мешало преследователям. Топот кованых сапог вскоре смолк за очередным дувалом. Уже перед городскими воротами, отстегнув стражу часть дневной выручки, Николай ощутил себя в безопасности.

И вновь караванная тропа, как живая, метнулась под ноги. Касан, Бухара, Мерв – лишь вехи по сторонам крупнейшего в мире пути, который, как Николай откуда-то знал, еще назовут Великим Шелковым. Вот заслонили, ударили небо снежные острия Гиндукуша, слились почти воедино Тигр и Евфрат. А дальше все дороги вели в Рим, или в Дацинь, как привыкли говорить на востоке.

Глава VIII

– Прочь, прочь с дороги!

Вид низкорослого десятника стражи в дырявой, проржавевшей кольчуге не испугал даже пьяных зевак. Тем не менее, толпа вокруг Николая нехотя расступалась – слишком медленно, чтобы оставался хоть малейший шанс улизнуть.

«На этот раз попал, – пронеслось в голове, еще гудевшей от многодневной качки, – Влип по-крупному».

И стоило ради этого терпеть все «прелести» морского пути мимо роскошной, но нетерпимой к магии и колдовству Византии? Здесь, на окраинах Рима, дела обстояли не лучше. «Халдейские» и «сирийские» астрологи местного пошива не терпели даже намеков на конкуренцию. И обладали изрядным влиянием – достаточным, чтобы натравить на чужака всю властную вертикаль снизу доверху. Жаль, что понять это удалось слишком поздно.

За десятником шествовали гуськом его подчиненные. Выглядели они еще менее презентабельно. И все же на одного-единственного шарлатана с ритуальным ножом их вполне хватало. Окажись вновь при Николае та грозная, неведомая, бесконтрольная сила, что обращала плоть в пепел среди далеких песков, разговор был бы иным! Впрочем, Николай давно понял – такое происходит стихийно, помимо чьей бы то ни было, даже собственной воли. Как шторм, как торнадо, как чертов взрыв сверхновой звезды...

– Пойдешь с нами, ворожей, – процедил сквозь зубы десятник. – Иначе будешь ползти на брюхе – боль заставит тебя извиваться змеей!

Сказано это было на скверной латыни – типичной межплеменной тарабарщине. Николай успел изучить ее в портовых кабаках и притонах славного города Антиохии, где долго проматывал трудовые-кровные, ожидая у моря погоды. Громкие выкрики остальных стражей воспринимались, как непередаваемый сленг. Но звучали красиво и гордо – настоящий язык древних римлян!

Раньше в таких ситуациях Николай всегда мог выкинуть что-нибудь неожиданное. Но здесь толпа, более плотная, чем где бы то ни было, окружала со всех сторон. Шаг влево, шаг вправо – побег. И смертная казнь через растерзание. Впервые со времени своего рабства Николай ощутил, как немеют руки, связанные за спиной.

Прогулка по незнакомому прежде центру «вечного города» не впечатлила. Быть может, потому, что о куполе Пантеона, великом акведуке и Палатинском холме Николай уже слышал немало восторженных отзывов, а действительность всегда уступает легенде. Да и стянувшая руки веревка отнюдь не способствовала свежести восприятия. Дежавю, так сказать... Лишь стены Колизея, черные в опускавшихся сумерках, будили целую бурю эмоций, и преобладал среди них безотчетный страх. Он быстро перешел в ужас, когда Николая втолкнули сквозь огромный вход-пасть в полутемное чрево гигантского стадиона. Внутри раздавался хриплый, многоголосый лай. И другой звук – будто сотни когтей скребли каменный пол совсем рядом.

– Как звать? – навис над пленником подошедший верзила, приподняв его за волосы. – Николай, говоришь? Врешь, это имя эллинское, а если ты эллин, то я – пророк Иоанн! А впрочем, не важно, кто ты, и в какой глуши родился на свет. Мои собачки – вот уж для кого нет ни эллина, ни иудея! Только мясо, что завтра они разорвут на арене в клочья...

Блеснув в свете факелов лысым черепом, верзила повернулся к десятнику и что-то быстро и звонко отсчитал ему в протянутую ладонь. Дверца железной клетки захлопнулась за Николаем, щелкнул засов, и вскоре огни в нескончаемом коридоре погасли. Вокруг – только тьма и безумный вой. А еще – голос, звучащий чуть слышно, на грани реальности и обостренного воображения. Словно у ночи вдруг выросли крылья большой черной птицы, закрывая собою мир.

* * *

Несмотря на усталость, Николай так и не смог заснуть в этом пропахшем зверьем аду. Мысли, что ерзали в голове, были одна другой хуже. Мир полнился слухами о новой забаве христианского Рима, сменившей неугодные церкви бои гладиаторов. Теперь на арене умирали преступники, чернокнижники и еретики.

Сумевших выстоять против своры бешеных псов заставляли подымать друг друга на вилы. Толпе это кровавое месиво нравилось – больше, чем поединки опытных воинов, оценить которые мог лишь знаток. Остроты зрелищу добавляло то, что в схватке выживал лишь один. Зверь или человек – не имело значения.

Впрочем, Николай не сомневался: если и повезет уцелеть, то вряд ли надолго. С его профессией, раз не хватило ума сразу обзавестись влиятельными клиентами, ждать в Риме пощады было бы глупо. «Не оставляй ворожеи в живых» – так ведь сказано? И уж подавно не верилось, что, сдохнув тут, он снова воскреснет где-то еще, в светлом, прекрасном будущем или прошлом. Как учил весь его жизненный опыт, два раза подряд фортуна могла повернуться лишь задницей. И все же казалось нелепым, что повелитель небесных гончих отдан на растерзание стае банальных земных собак!

Громкие приближавшиеся шаги не были для Николая неожиданностью. Отворив клетку, вооруженные до зубов люди бесцеремонно вытолкали его наружу, под обманчиво яркое солнце, на холодный песок арены. Рядом, едва не пронзив ступни, упали тяжелые крестьянские вилы. Николай подобрал их – а что оставалось еще?

Толпа, усыпавшая трибуны, зашлась неистовым, кровожадным ревом. словно морское чудище, что поднялось на пути корабля, когда Николай плыл в Рим. Монстр не решился напасть и нырнул обратно в пучину. Но от толпы не отделаться просто так.

Рядом уже стояли, бранясь и сплевывая на песок, оборванные, в кровь избитые товарищи по несчастью. Точнее враги, если прежде не растерзают псы. Большинство походило на сельских жителей, затравленных вечной нуждой и страхом. Лишь двое, резко выделяясь среди остальных, невольно привлекали внимание.

Оба выглядели прибывшими издалека – столь отчужденно, будто и не от мира сего, держались. Один – низкорослый, но крепко сбитый, весь в шрамах и татуировках брюнет – даже смог улыбнуться, легко и насмешливо, словно о чем-то вспомнил. Другой был совсем уж чернявым, высоким и жилистым, с носом, как у грача, и взгляд его казался взглядом фанатика. Николай мог только догадываться, каковы они в драке, но даже черенки своих вил эти двое перехватили чуть по-особому. Как-то легко и небрежно, будто им, взрослым людям, пришлось взять в руки игрушки. И они не боялись – это за версту было видно. Вот уж чего Николай не смог бы сказать о себе!

Трибуны взревели снова, и наверняка лишь это спасло Николаю жизнь. Вопли зрителей заставили вмиг очнуться, сбросить кокон липкого страха, опутавший с головы до ног. И когда совсем рядом упала неприметная решетка в стене, выпустив огромную стаю, Николай вовремя отскочил в сторону. Один из крестьян не успел это сделать и тут же исчез под живым, мохнатым ковром – рычащим и лающим, забрызганным кровью и пеной. Смерть его выиграла драгоценное время для остальных.

Распотрошив окровавленную жертву, как чучело, псы принялись друг за друга. Боль заставляла их драться с яростью, не сравнимой ни с чем, и лишь немногие вышли живыми из свары, чтобы наброситься на людей. Им вспарывали животы вилами, не позволяя прыгнуть. Оглушенный диким, предсмертным визгом, вновь растерявшийся Николай даже не пытался вмешаться – все кончилось очень скоро. Но теперь дюжина обступила троих, в числе которых был и он сам.

Местные брали чужаков в кольцо осторожно, с тупой неспешностью земледельца, обходящего свое поле. Но вдруг самый крепкий из них – живой кусок мяса – бросился вперед с криком, выставив вилы, будто копье. В отчаянии, помноженном на решимость и злобу, он действовал дьявольски быстро. И едва не застал Николая врасплох.

Скорее, инстинкт, чем навык велел развернуться всем телом, ослабив удар, и скользнуть вперед. Это сработало – металл лишь царапнул по ребрам. Николай мог бы поклясться, что слышал негромкий, отвратительный скрежет. Сперва боли не было – только уже привычная жажда. Неистовое желание крови того, кто пытался его убить.

Николай ударил в ответ сучковатым, но прочным кругляшом черенка. Как учил Яо – стремительно, без замаха, вкладывая всю силу в предмет, что и сам летел по инерции. Лицо врага просто лопнуло, будто спелый арбуз, брызнув во все стороны алой мякотью. Железом Николай ткнул, уже не глядя, на звук – тоскливый вой обреченного. Внезапно сделалось удивительно тихо. Неужто те двое прикончили всех у него за спиной?

Резко обернувшись, Николай сперва не поверил глазам. Пространство в десяток шагов вокруг странной парочки было и впрямь завалено трупами. Татуированный малый как раз вытаскивал вилы из туловища последней жертвы. Спокойно, даже как-то с ленцой. Ни тебе свирепых гримас, ни криков, ни ругани. Молчали и зрители – наверно, все еще были в шоке.

И вдруг трибуны как прорвало.

– Убей, убей! – летело со всех сторон известное Николаю на множестве языков слово. – Убе-е-ей!!

По рядам катилась орущая, грохочущая волна – такую же поднимают болельщики на футбольных матчах. Навстречу неслась другая, и спустя миг столкновение обернулось дракой. Началась давка, не миновавшая и почетных зрителей в центре. Иных чуть не вытолкнуло на арену, где должен был снова начаться бой. И все равно они лезли вперед, будто хотели сломать ограждавший трибуны барьер. Порванные в потасовке туники болтались ключьями, а из-под них выскакивали наружу раскормленные животы и бедра, женские груди, мошонки...

Казалось бы привычного ко всему Николая едва не вырвало. Виной тому могла быть и рана, все же дававшая о себе знать. Кровь, быстро капая вниз, уже пропитала закрывшую срам повязку – остатки роскошного прежде халата со звездами.

Забыв про боль, Николай сосредоточился на противниках, благо те оставались по-прежнему в поле зрения – его и друг друга. Будто существовал молчаливый уговор не нападать сзади.

«Должен остаться только один!» – пришла на ум дурацкая фраза из нашумевшего когда-то фильма «Горец».

Николай понимал: из этой троицы он слабейший. Так может, объединиться с кем-то – на время? Вместе завалить носатого легче, чем драться поодиночке с таким врагом. Или, наоборот, татуированный сильнее и опасней? Они знакомы между собой? Друзья?

К черту! Если и повезет уцелеть – заставят драться с кем-то еще, покуда не сдохнешь. Только теперь Николай почувствовал, что слишком устал от этой игры.

– У-бей-у-бей! – завывала толпа сиреной, обращаясь уже непонятно к кому.

Раньше Николай не догадывался, как может приговоренный к смерти сам взбираться на эшафот. А то и вовсе рыть себе могильную яму. Не мог представить он этого и сейчас. То есть осознавал, что такое происходило и происходит, но вот принять сердцем...

Почему бы не воспротивиться, не плюнуть палачу в морду? Ведь, так или иначе, конец – чего уж бояться? И все же Николай делал, что велено, сражаясь за каждый миг отсрочки от неизбежной гибели, на потеху ублюдкам, заполонившим трибуны. Но это не могло продолжаться вечно, как знаменитое «шоу» Меркьюри.

Противники медленно, будто нехотя, приближались, сходясь на пяточке мокрого от крови песка. И когда оба одновременно подошли на длину оружия, Николай отшвырнул

вилы в сторону. Молча, спокойно, будто окуроч бросил. Что бы теперь ни случилось, его смерть никому не доставит должного удовольствия.

И вновь тишина – на этот раз всерьез и надолго. Короткий деревянный треск разорвал ее, как гром среди ясного неба. Это крепыш в наколках, хвастая силой, сломал черенок в руках. И тут же носатый метнул свои вилы навскидку вдаль – видать, не желал, чтобы красивый жест пропал даром. Один из высыпавших на арену воинов едва успел прикрыться щитом. А вскоре точно такой же щит ударил Николая в висок железной оковкой. Небо над головой закружилось, померкло и рухнуло в ад.

* * *

Тени обступили со всех сторон. Они о чем-то болтали, плакали, и тихо пели свистящими, как коридорные сквозняки, голосами. Порой услышать их было еще трудней, чем разглядеть в полумраке. Но леденящее душу присутствие, осязаемое, будто мурашки на коже, сковывало по рукам и ногам. Николай уже и не верил, что сможет подняться с холодного пола. И даже шаги, вдруг раздавшиеся совсем рядом, казалось, мерещились. Но тени исчезли, словно что-то спугнуло их.

Двое остановились у клетки, где навзничь лежал Николай. Громадный силуэт мог принадлежать лишь уже знакомому верзиле-тюремщику, с которым всем пленникам довелось иметь дело. Свет факела ударил Николаю в глаза, и разбитая голова откликнулась приступом боли. Пришлось зажмуриться, так и не разглядев второго.

– Вроде жив, – уронил брезгливо тюремщик. – Рана легкая, хоть и коварная. А что щитом по голове – так сам виноват. Бунтовал и подстрекал к бунту! Прости, конечно, но все-таки не пойму, зачем он нужен тебе, полководец.

– Не только он, – произнес собеседник негромко, но твердо, как человек, привыкший повелевать. – Сотни людей в этот миг готовятся умереть на аренах Рима. Я заберу всех.

– Но...

– Чернь будет недовольна? Вновь выйдет на улицы требовать зрелищ? А какое право имеют они, эти свободные граждане, хоть что-нибудь требовать? Любой из них скорей предпочтет попасть в когти дьявола, чем в пограничные легионы!

«Их можно понять, – встрял мысленно Николай, окончательно приходя в себя. – Умереть за ТАКУЮ страну чести мало».

– Пусть так. Но ты плохо знаешь моих людей, полководец. Отъявленный сброд, хуже и не сыскать, – верзила говорил, словно Николая не было рядом. – Сегодня трое вообще отказались драться! Какой от них толк?

– Они пойдут воевать, как и все, не будь я Флавий Аэций! Хочешь скормить их на арене медведям и львам? Ищи других, на которых ты еще не успел заработать.

– Что ж, – голос тюремщика сразу поник. – Ты приказал – я обязан исполнить. И все же, по старой дружбе скажу: Рим рухнет, когда в легионах будут служить одни варвары да преступники!

– Значит, есть нечто большее, чем просто Рим.

С этой загадочной фразой Аэций развернулся и вышел, оставив Николая обдумывать свою новую, пока неведомую судьбу.

Глава IX

Гром шагов, тучи пыли – и молнии Зевса-Юпитера, на зависть новому богу как прежде сверкающие на щитах. Помогут ли они там, за огромной рекой, на бескрайних и диких просторах Паннонии? Хоть и языческая земля, иные у нее покровители.

Николай терялся в догадках, но все еще с трудом верил в богов. Мало-помалу он перестал вообще о них думать – обычных, земных проблем набралось до небес.

Больше всего хлопот доставляли сандалии. Грубые, тяжелые, на босу ногу, они вмиг покрывались весенней грязью снаружи и набирали ее вовнутрь. Вскоре проклятая обувь стала почти неподъемной. И невыносимой, если на то пошло. Под стать была и туника из грубой шерсти – наверняка пришлась бы по вкусу фанатичным монахам, истязавшим свою греховную плоть. Довершали все это великолепие тесная, много раз латанная кольчужка-хилтата и простой шишак, набитый тряпьем и соломой, чтобы смягчить удар. Кожаный, укрепленный пластинами из железа панцирь – лорика, равно как и римский пехотный шлем, полагались лишь гражданину империи. Вместе с гражданством их надо было еще заслужить.

Собственно говоря, Николай состоял в легионе на птичьих правах. Как и с полтысячи его соратников, что вместе с ним упрямо карабкались в горы, вздымали ногами пыль и месили грязь где-то между Павией и Виндобоной. Аларии – призывники, ополченцы, вольноотпущенные рабы, наемники из союзных народов... Оплот великого Рима и христианства на проклятой Богом земле. И потому – хотелось того полноправным гражданам, или нет – оружие у этих безродных изгоев было все-таки римским, пока еще лучшим в мире.

На правом боку Николая покоился в ножнах короткий, с виду почти бесполезный клинок. Прославленный на века гладиус и впрямь уступал по длине и весу огромным мечам варваров. Но не было ничего страшнее в ближнем бою, чем это легкое, обоюдоострое, превосходной закалки лезвие, созданное колоть и резать врага, как убойный скот. Особенно, если сперва бросить пилум – копьё с простым наконечником, гибким настолько, что при ударе оно застревало в чужом щите намертво, не позволяя его поднять или повернуть.

В походе пилум висел на заплечном ремне, время от времени, будто сознательно, ухитряясь стукнуть древком по шее. Другое плечо оттягивала тяжеленная сумка – сакрина, полная инструментов, кольев и прочего хлама, но содержавшая до смешного малый запас еды. Щит вешался за спину, и был таким же громоздким и неудобным в походе, как и у истинно римских воинов. Зато и настолько же прочным, высоким, с наводящими ужас яркими молниями от центра к железным краям. В стене щитов, что встречала врага, не могло быть слабого места – иначе победа оставалась бы недостижимой мечтой.

– Помните, недоноски, – твердил пожилой, но крепкий еще ветеран, что обучал новичков прямо на марше, – один разъяренный варвар с тяжелым мечом стоит пятерых вроде вас! Но сотня на сотню уже равны. А против нашего легиона не устоят даже боги!

В последнее очень хотелось верить. Вот только нашлось бы время еще до привала отскрести от сандалий растущую, как снежный ком, грязь...

Перед ночевкой, даже в относительно безопасном месте, укрепления строились по всем правилам. Так что пришлось копать вокруг ров, к счастью, узкий и неглубокий. Он и не мог быть другим – по весне здесь любая яма вмиг заполнялась водой.

– Зря стараемся, – ныл какой-то совсем уж недавно призванный новобранец. – Эту канавку и трехлетнее дитя перепрыгнет!

Но вот неказистый, пологий вал, что сам собой рос из выброшенной на гора земли, поднялся чуть выше пояса. Склон его ошетинился деревянными кольями, пару-тройку которых тащил за плечом всю дорогу каждый легионер. Острия торчали наружу, под углом вверх, нависая надо рвом, как сучья деревьев. Если доспехи и не дадут врагу распороть себе брюхо

в прыжке, частокол отбросит его на дно, в сыпучую, скользкую грязь, мигом сделав полностью беззащитным. Горстка бойцов за таким укреплением могла спокойно ужинать или резаться в кости, пока вокруг бесновалась чужая орда.

Николай слышал, что именно в римской армии впервые додумались «копать от забора и до обеда». Лопата, короткий меч и гнущееся копьё, наряду с железной, непререкаемой дисциплиной, создали и хранили империю, какой не знал прежде мир. «И больше никогда не узнает, надеюсь!» – думал не в первый раз Николай, сытый издержками государственного величия по самое горло. Гораздо менее сытным был ужин, стараньями квестора, то бишь интенданта, урезанный до предела.

Жидкая овощная похлебка отнюдь не отягощала желудок. Не удивительно, что уборная под открытым небом, с неизменными тремя ямами и дощатым настилом сверху, использовалась крайне редко. Завсегдатаями этого места были лишь жирный префект, командовавший в отряде всеми и вся, да квестор с подозрительным юношей-писарем, что любили тут же, наперебой, цитировать римских поэтов.

Простой воинский люд занимал три отверстия в основном по утрам, чтобы сбросить лишний груз перед маршем. Именно здесь, уже на второй день пути, состоялась встреча недавних знакомых.

– Все дороги ведут в Рим! – услышал Николай издевательский возглас.

Рядом сажился тот самый парень в наколках, с которым едва не пришлось драться насмерть тогда, в Колизее! Он явно игнорировал центуриона по прозвищу Стенолом, что замер на корточках по другую сторону. А ведь этому командиру сотни могло ой как не понравиться сравнение походного нужника с его родным городом!

– Спит, что барсук зимой! – словно прочитав мысли, успокоил Николая насмешник. – А вскочит – будет орать, покуда не выступим, все они так... Краддок меня зовут, Краддок-гэлл из Арморики. А ты вроде Саган?

Николай кивнул. Наученный горьким опытом, он теперь представлялся так всем и всюду. Чтобы не думали, будто варвар пытается сдуру выдать себя за грека. Не Колей же называться, в конце концов! Саган все-таки лучше – странное это имя, уж слишком нездешнее. Настолько, что нет нужды объяснять подробно, откуда ты. Издалека, мол, там небо и земля сходятся! Тем более что время и место ну никак не подходили для душевной беседы. Впрочем, Краддока это унять не могло.

– Помнишь Осию – ну того, носатого, что едва стражника вилами не прикончил?

– Вы с ним друзья?

– Да нет, в первый раз его на арене увидел. Зато слышал о нем кое-что. Он иудей, из сикариев – так римляне этих мятежников называют. Когда-то такие, как он, от целого легиона ничего не оставили! Сдается мне, славная драка была, хоть я в то время еще не родился, – Краддок явно жалел, что не довелось поучаствовать, все равно, на чьей стороне. – В конце концов, иудеев задавили числом, и предки Осии сбежали в Парфянское царство. Ну а потомок взялся за старое – напал на посланца римского императора. Уж и не знаю, как его не убили на месте!

– А тебя? – перебил Николай в тайной надежде, что гэлл смутится и хоть на миг заткнет свой фонтан.

– Пустыки! – отмахнулся Краддок. – Что толку в законе и праве, если нельзя поохотиться, потому что лес кому-то принадлежит? Меня скрутили целой толпой, и, клянусь Рогатым Богом и Митрой, многие прежде отведали собственной крови! Так вот, наш Осия теперь здесь – будет драться за Рим, который сызмальства ненавидит. В первой центурии второго манипула, ты не знал? Пойду, проведу, а то скоро всех по местам расставят. Нам друг за друга надо держаться, иначе...

– Строиться! – заорал раньше времени Стенолом, все-таки разбуженный болтовней Краддока. Старый вояка злился, что показал слабинку, уснув над отхожей ямой.

– Выступаем! – донесся вскоре голос префекта.

И хриплым, безумным смехом пророчицы откликнулся медный горн.

* * *

Река, что величественно текла мимо, скрывая за мутными волнами дальний берег, звалась на латыни Данубис. Но большинство в отряде предпочитало короткое, варварское имя – Дунай. Выйти удалось аккурат к пограничной крепости, что, в отличие от реки, и названия внятного не имела. Да и зачем оно крохотному поселку из бревен и засохшего ила? Тем более, если на много дневных переходов вдоль берега нет даже столь убогих сооружений. Крепость – она и есть крепость. Единственная в округе – ни с чем не спутаешь.

С утра велели строить плоты, чтобы пересечь реку засветло. Но вскоре какой-то гений из свиты префекта додумался конфисковать либурну – крупную, с двумя рядами весел, посудину, без дела болтавшуюся у хлипкой пристани. Помимо дозора и охранения, эти суда на Дунае предназначались для сбора податей с рыбацких сел. И потому вмещали до полусотни бочек соленой рыбы. Или, если было необходимо, столько же полностью вооруженных бойцов.

Несколько раз либурна пересекала реку, пока последний из отряда не очутился на левобережье. За исключением префекта, квестора, и прочих, как сказали бы во времена Николая, официальных лиц. Эти остались ночевать в крепости – едва ли к большому удовольствию гарнизона, уставшего от гостей. Местными здесь командовали, как хотели. Власть Рима, а точнее новой столицы – Равенны, была еще слишком сильна.

Николай одним из первых очутился на чужом берегу – странном, незнакомом, опасном. Как и все вокруг, он наспех вгрызлся лопатой в черную прель и глину, набрасывал вал у самой воды, понимая, что центурион не рискнет продвинуться и на лишнюю пядь вглубь враждебной Паннонии. Казалось ошибкой рассредоточить силы, даже на время оставив часть войска за широким Дунаем. Но покуда, хвала всем богам, смерть обошла стороной. А была рядом – Николай ощущал ее в резких бликах речной волны, в дуновении ветра, в каждом шорохе молодой травы и дыхании свежей земли, что пестрела цветным узором, переливалась в движении воздуха, будто шкура готового к прыжку зверя. Тревожный день клонился к закату, и Николай мог лишь смутно представить, какой будет ночь.

Глава X

Осия казался на редкость неразговорчивым, мрачным субъектом. Николай едва сумел перекинуться с ним парой коротких фраз, да и нечего пока было сказать друг другу. Зато Краддок трещал без умолку. Ему повезло – он высадился на берег среди самых последних, когда уже наступили сумерки. Не пришлось ничего копать, возводить и ставить, даже пальцем о палец не ударил, зараза! Потому и не падал с ног от усталости, бодрился, словно его черед стоять в ночном карауле. И болтал, как заводной, будь он проклят!

Где-то за полчаса Николай узнал все, что думает Краддок о квесторе и префекте лично, что представляет собой знаменитый тринадцатый легион, с которым вскоре надлежит соединиться, и какой недоношенный римский олух ведет его вглубь чужой земли без поддержки.

– Кого они собрались наказывать? – кипятился гэлл. – Варваров, что стреляют без промаха из седла, или себя самих за упрямство и глупость?

– Да тише ты! – не выдержав, ткнул его в бок Николай. – Хочешь разбудить Стенолома или еще кого из центурионов? Они же тебе за такие слова... Лучше скажи: ты не чувствуешь, что вокруг творится?

Ощущение смерти, бродившей весь день где-то рядом, теперь лишь усилилось вместе с дыханием близкой грозы. Коротко и бесшумно сверкнула первая молния – будто оскалился хищник в засаде. Странный низовой туман потянулся с речного берега, щебет нечеловеческих голосов заполнил быстрины и плесы.

Внезапный храп Краддока, так и не ответившего на вопрос, раздался в унисон заупокойному хору. Вот вам и хваленое гэлльское чувство магии, а ведь о нем в войсках легенды ходили! Или, может, отпетому шарлатану Николаю Варге с устатку мерещится всякое? Сомнений не стало, как только начали исчезать дозорные. Один из них прямо на глазах обмяк и тяжело рухнул в туман.

Уснули все, оставив лагерь в ночной степи без защиты. Какой-то инстинкт подсказал Николаю – будить нет смысла. И тут же велел непонятно зачем шагнуть в темноту, что вдруг полыхнула в неистовом танце молний. Новый звук – тревожное конское ржание – донесся с холма, обогнав запоздалый гром.

Словно в ответ из тумана метнулись резкие тени. И разбежались в стороны, боясь охватившего вершину сияния. Волки! Они окружали холм неспешной трусцой, и только огонь их дьявольских глаз, который ни с чем не спутаешь, выдавал отчаянный голод. Николаю откуда-то был знаком этот безмолвный, древний, как мир, язык смерти.

– Еще не время, – подумал он вдруг.

– Не время? – едва уловимое разумом эхо сквозь жуткий вой-хохот. – Времени больше нет. И ничего здесь не будет – скоро. Тьма, пустота – вот и все. Поторопись, нужны души многих, иначе не хватит сил вырваться. Убей ту, что до сих пор хранит их! Убей!

Полукольцо волков расступилось, пропустив Николая. Сотня-другая шагов вверх по склону – и вот уже ноздри щекочет запах добычи, из горла едва не рвется звериный рык, а ноги пружинят, готовые бросить в смертоносный прыжок послушное голоду тело.

Собрав воедино жалкие крохи воли, Николай принуждал, заклинал, упрашивал себя оставаться, кем был – человеком. Сработало. Белая, как снег, лошадиная морда доверчиво ткнулась в плечо, обдав тяжелым, горячим дыханием. И Николай сам не понял, как и зачем вдруг очутился верхом. Без седла, держась лишь за спутанную, будто войлок, скользкую от пота гриву, он едва ли мог проскакать долго, хоть за время странствий и стал неплохим наездником.

– Убей! – вновь донеслось из тьмы.

Волки окружили холм, точно зрители – арену Колизея. И также требовали кровавой жертвы. Только, в отличие от людей, им это было и вправду необходимо. А вот чего хотел

Николай, пролетев верхом, будто смерч, мимо растерявшейся стаи – он вряд ли смог бы сказать. Навстречу с ревом шальной грозы и хохотом ливня мчалась буйная весенняя степь, и он растворился в ней, как чужеродная капля в море. Ни удивления, ни испуга – даже когда звезды стали чуть ближе, а странный, невидимый хор под копытами грянул славу Великой Матери, богине Кибеле Всеуносящей. Николай успел лишь подумать, что слова «Кибела» и «кобыла» подозрительно схожи...

Время и расстояние слились почти воедино. День, коротко вспыхнув, мгновенно сменился ночью, звон мечей – адским громом разрывов, столбы пыльной бури – бесконечной линией проводов и тусклых, горящих мертвым огнем фонарей. Мелькнул незнакомый город, и Николаю он показался вполне современным по меркам его прежней жизни. Все было привычным – даже запись, доносившаяся из окна.

Весна хмельная, весна дурная

Зачем вела ты до последнего края?

Уделом смелых зачем пленила?

*Что ты наделала, что натворила!*³

Степь то сменялась горными перевалами, то оборачивалась гигантским лесом с едва заметными тропами меж стволов-колонн. Раз даже почудилось, что лошадь летит над волнистой, иссиня-черной поверхностью океана. А когда дни и ночи закрутились в сплошном сером мареве, опоясанном яркими следами луны и солнца, забытый страх вернулся с лихвой. И Николай вдруг вспомнил, что не волшебная сила, не ступок чистой энергии несет его сквозь тысячи километров и лет, а живое, весьма своенравное существо с покатою спиной, на которой все трудней удержаться. Лошадь в тот же миг поднялась на дыбы и резко взбрыкнула. Николай упал, будто заправский ковбой на родео. И долго лежал, не в силах подняться, на чем-то идеально ровном, твердом и гладком, как органическое стекло.

* * *

Пустыню, вроде Гоби и Такла-Макана, эта местность напоминала только отчасти. Сухая, залитая лазурным светом равнина казалась искусственной. Ни дать ни взять полотно необозримо широкой дороги, по которой впору ходить гигантам. Но всадники, приближавшиеся с трех сторон, выглядели обычными, хоть и странно одетыми людьми из плоти и крови. И лишь когда Николай, преодолев боль, сумел вновь забраться на лошадь и поскакал им навстречу, стали видны различия.

Один из всадников уже осадил своего рыжего скакуна и замер, как вкопанный. То, что казалось издали украшением на варварском шлеме, вблизи могло вызвать лишь изумление и ужас. Это были рога – широкие, как лопаты, ветвистые – и росли они прямо из черепа, сквозь длинные, с проседью, волосы, падавшие на клетчатый плащ. Да и конь под таким седоком не внушал доверия. Слишком уж смиренно стоял – не как послушная хозяину лошадь, а словно затаившийся дикий зверь, готовый броситься на добычу.

Прискакавший следом еще вдалеке смотрелся богатырем, а подъехав, и вовсе заставил вздрогнуть. Вроде и не намного крупнее среднего человека, но истинную силу, ощутимую в каждом движении, явно превосходящую все, известное прежде, не скроешь. Голый, если не считать повязки из шкуры, он казался грудой каменных валунов-мускулов.

– Держись от меня подальше со своей клячей! – крикнул он Николаю. – Ненавижу кобыл – с тех пор, как проклятый Локи превратился в одну из них и свел с ума Свадильфари – моего вороного. Впредь не допущу, чтобы с ним случилось подобное!

– И ко мне не приближайтесь, вы, оба! – отозвался рогатый. – Мой конь опасен, он не чета вашим – ест не траву, а мясо, живую плоть. Слышали о таком?

³ Стихи Натальи О'Шей (Хелависы).

Николай слышал. Как и о Старом Охотнике – рогатом боге, которого часто поминал Краддок.

– Вижу, собрались все! – донесся еще один голос.

Сказавший это гарцевал на высоком и тощем коне странной масти. Бледнее, чем рыба кожа, чем лицо мертвого... Всадник, как и все остальные, не пожелал представиться, да Николай и не требовал. Слишком похожи были широкие полы черной одежды на крылья грифа, перечеркнувшие небосвод. И голос в безлюдной пустыне когда-то звучал точно так же – зло, хлестко, и будто не от мира сего.

– Что на этот раз? – спросил Николай с усмешкой, стремясь подавить в себе неизбежный страх. – Новая западня? Дорога? Еще одно испытание, от которого и кони дохнут?

– Коней придется беречь, – темный всадник был абсолютно серьезен. – Они – особые, без них мы сейчас даже меньше, чем пустота. А испытания выпадают не только тебе. Ты тоже испытываешь этот мир на прочность – с тех самых пор, как оказался здесь, вместо того, чтобы лежать на шоссе обгорелым и окровавленным трупом. Твоя небывалая воля к жизни рвет в клочья связи причины и следствия.

– И?

– Даже не знаю, как тебе объяснить все это. Ткань мироздания, пространство и время трещат по швам, и окружающий хаос встречает все меньше препятствий. А там, где вещество и энергия дают слабину, свободно реализуется третий компонент – информация. Все страхи, легенды, все тайные и мечты и проклятия человечества воплощаются в жизнь. Боги, герои, чудовища... Порой достаточно мелочи – простенького, бесполезного прежде заклинания или ритуала – чтобы процесс стал необратимым.

– Обращал я этот ваш процесс, как два пальца... – с неожиданной для самого себя дерзостью заявил Николай, вспомнив сгоревшего в адском пламени Странника и обломки статуи на полу храма.

– Не стоит быть излишне самоуверенным, особенно если имеешь дело с богами. Сначала, пока они – лишь плоды фантазии, их силы ограничены рамками людского воображения. Но что будет, когда законы природы возьмут свое и боги станут такими, какими должны быть – всемогущими, чуждыми, непостижимыми? Даже самый слабый из них сможет буквально выпотрошить целый мир. И он вот-вот это сделает – хотя бы затем, чтобы миром не завладели сильнейшие. А после продолжит существовать под тупое блеяние горстки избранных двуногих овец!

Гневную речь не сопровождал ни один жест. И ни один мускул не дрогнул на узком, точеном лице, обрамленном бесцветными волосами, словно капюшоном из перьев. Николай разглядел, что даже губы у собеседника сомкнуты – как и у тех двоих, что держались чуть в стороне, бранясь меж собой. Порой казалось, что всадник на бледном коне существует лишь для него одного, каким-то чудом не замечаемый остальными.

Но вот по взмаху на удивление тонкой, длинной руки, что рванулась из-под черного крыла плащаницы, все тронулись в путь. Что дальше – борьба или бегство? Николай не знал, да и знать пока не хотел. Ясно было одно: надо двигаться следом и лишь потом спрашивать. Другого пути за пределами яви и здравого смысла он просто не мог отыскать.

* * *

– Узнаю эту стену! – бросил хозяин вороного коня, разглядывая небывало высокую, словно растущую из воздуха каменную громаду. – Когда-то я строил ее для защиты Мидгарда.

– Нынче город называется по-другому, – откликнулся издали рогатый всадник. – И правит здесь новый хозяин – Агнец. Однажды он искупил все людские грехи, хоть никто не просил об этом. Должно быть, он думает, что «искупить» означает «купить», и теперь в одиночку распоряжается жизнью и смертью мира. Терпеть было можно, покуда Агнец не выбрал смерть. Мир увядает, будто лист осенью – с начала и до конца времен.

Николай тут же вспомнил похожий на гибель сон, охвативший воинов в далекой степи.
– Что мы должны делать? – спросил он скорее себя самого, чем кого-то из спутников.
– Не останавливаться! – был ответ. – Ведь Агнец пойдет на все, чтобы остановить нас!

Казалось, эти слова подхватило внезапным порывом горящего ветра. Язык пламени ударил Николая в лицо, опалил волосы, губы, веки... Лишь бешеный галоп кобылицы позволил вырваться и уцелеть, перемахнув вал огня. И встретиться с ужасом, будто рожденным легендой об Апокалипсисе.

«Брони огненные, гиацинтовые и серные; головы у коней – как головы у львов...» – вертелись в голове навязчивые строки пророчества Иоанна. А вражеский воин и львиноголовый скакун, не выдержав столкновения, уже корчились под копытами белой лошади. Их тела, словно в итоге мерзкого опыта слитые воедино, как сиамские близнецы, теперь вновь разваливались на части. Плоть дымилась, искры сыпались ослепительно ярким дождем. Сотни подобных тварей скакали следом, наперерез четверке всадников. А сверху к земле устремились крылатые, отдаленно похожие на людей существа – ловушка захлопнулась.

Эта неравная схватка не походила ни на что, известное Николаю прежде. В руке Охотника тускло сверкнул клинок – луч призрачного, словно утренняя звезда, света – прошив насквозь хищный крылатый рой. Обгоревшая тварь с визгом рухнула из облаков на другого, темного всадника. И тут же скорчилась, превратилась в ничто во внезапно налетевшем тумане. Смертоносный шлейф протянулся за бледным конем на сотни шагов, будто ад следовал за ним.

– Хиникс⁴ пшеницы за динарий! – издеваясь, выкрикнул строитель Мидгарда.

И разможил чью-то голову бронзовой мерой, которой, должно быть, еще недавно сыпал вороному корм. В ином оружии при такой силе нужды и не было.

Битва походила на рисованный фильм – все казалось вычурным, неестественным, карикатурным. Но крови и пламени было больше, чем в самых скандальных творениях мастеров анимэ. Кровь была золотой – у крылатых и львиноголовых. И красной – у вопящей массы людей, что вдруг очнулись от поголовного сна и бросились под копыта, как зомби, в последней попытке остановить, не пустить за грань...

Лазоревый небосвод вокруг Николая гнулся, пружинил, будто хороший лук, выбрасывая стрелы разрядов. Чужую плоть они жгли, как траву, но стена, заслонившая горизонт, и не дрогнула. Лишь вспыхнул воздух, да поднялась на дыбы земля. И словно в бреду – дрожащая, нечеловеческая рука с пожелтевшим от времени свитком. Каким-то образом Николай видел – за сотни шагов, сквозь гранит и наспех украсивший стену яспис. Видел и понимал, чем все это грозит.

И снова гнев плеснул через край, грозя спалить заживо исторгнувшую его душу. Сила, что однажды вырвалась на свободу в яростном пекле Такла-Макана, а после долго спала, как зверь в тесном логове – та самая сила вновь отыскала выход. Пронзила стену, будто нож масло, прошлась раскаленным смерчем по мраморному двору, заставив поникнуть цветы и фонтаны. Ударил молнией в драгоценный жертвенник, едва на него упала печать со свитка.

Мир затрещал, как весенний лед, загудел, завибрировал исполинским колоколом. И медленно накренился, скользя в пустоту.

* * *

Скорость все нарастала, грозя сбросить с лошадиной спины. Вновь замелькали, как спицы в колесе, дни и ночи, сливаясь в одну непрерывную полосу сумерек. И только бездонно-темное, неправильной формы пятно, окруженное чем-то вроде полярного сияния, медленно плыло, словно медуза, сквозь серый океан воздуха. Этот растянувшийся во времени след – все, что осталось от рухнувшей цитадели Агнца – и вывел Николая из битвы в новый

⁴ Старинная мера сыпучих тел.

круговорот веков и тысячелетий. Он мчался в будущее – во весь опор, не думая о внезапно исчезнувших спутниках. Зачем? Ведь ничто уже не могло спастись.

Мир бился в агонии, вздымая чудовищной силы прилив и фонтаны лавы. А после медленно, век за веком, остывал, как гигантский труп. Николай, из последних сил уходя от опасности, гнал белую кобылицу сквозь время – мимо ледяных пустошей и обглоданных ветром скал, пронзавших серую мглу.

Жизнь упорно цеплялась за любые возможности, не спеша уходить навсегда. Несколько раз мелькали перед глазами чахлые от мороза поля, землянки-норы и странного вида создания вроде больших, прямоходящих сурков, что порой замирали на сутки живыми столбиками.

Спустя эпохи небо оплела тонкая, бесконечная сеть металлоконструкций, и резкие ее тени носились над опустевшей землей. Раз Николай ощутил чей-то взгляд с высоты искусственной паутины. Взгляд не был ни злым, ни враждебным – скорее внимательным, изучающим. Но Николаю вдруг стало не по себе.

Дальше, дальше... Вокруг – лишь космический холод и наплывающие из тьмы, словно айсберги, глыбы льда. Твердь под ногами вот-вот оборвется в бездну. Воздух разрежен, и трудно, почти невозможно дышать. Лошадь всхрапнула – тихо и коротко, прервавшись на вздохе. И вдруг припала на передние ноги, не в силах двинуться ни на шаг, ни на миг вперед. А впереди – безумная пляска всех цветов и оттенков, хоровод радуг, закрытые, но такие близкие врата рая!

Вглядываясь в горизонт, разом вспыхнувший миллиардами неземных огней, Николай испытал нечто, сравнимое с религиозным экстазом. Так, должно быть, чувствовал бы себя крестоносец, доведись ему отыскать Грааль. Или исламский дервиш, вознесшийся в небо вслед за Мохаммедом. Стоило отдать все, лишь бы очутиться там, по ту сторону нездешнего света, даже если не можешь понять, зачем. И это не было чьей-то коварной ловушкой – Николай не ощущал чужого присутствия и влияния, как в Шамбале. Решение принял он сам.

– Н-но-оо!!

Удар в бока пятками – впервые за время безумной скачки. А следом – ругань, угрозы, мольба. Николай заклинал полумертвую от усталости клячу продвинуться хоть на пядь, хоть на миг. Осталось совсем немного – разноцветное зарево уже слепило глаза. И тем страшней было падать в бушующий океан света. Не вниз, а вверх – сквозь нагромождение земных пластов, легенд и необъяснимых событий. Навстречу беззвучной песне, что неслась, будто из ниоткуда, слава какого-то бога или героя, замкнувшего время в кольцо.

О ком поют – Николай догадывался, но даже эта догадка не льстила ему. Перелетев через рухнувшую в агонии лошадь, он долго катился по склону холма, выл от боли, напрасно цепляясь за скользкие от дождя стебли. А после валялся навзничь, не в силах подняться. В какой-то миг он увидел, что волки – давешние знакомые – взмывают в рассветное небо стаей небесных псов, побросав обглоданные лошадиные кости.

Река металась, будто в родовых схватках, выбрасывая на берег тритонов, наяд и ундинов всех мастей, чьи статуи уж который век украшали фонтаны в далеком Риме. А по широкой степи от горизонта до горизонта маршировали колонны людей – Николай легко узнал многих. Шли механически, неестественно ровно, запрокинув головы к небу, словно им было вовсе не нужно зрение. Должно быть, все еще спали сном с праведников, что снизошел на них прошлой ночью. Сон не мешал им двигаться – их вела судьба, некогда запечатанная в ветхом свитке. И Николай понял: изменить что-либо уже невозможно. С тех пор, как над алтарем сорвана последняя, роковая печать...

– Вставайте старые, молодые, живые и мертвые, грядет суд великий, страшный!

Над степью летел трубный рев, подымая крикливое воронье.

– Вставай! – повторила судьба голосом Краддока, тряся Николая за плечи. – Уже трубят, выдвигаемся скоро! Или решил Стенолома вконец разозлить?

Кошмар ушел, сменившись привычно свирепыми рожами продравших глаза боевых товарищей. А был ли кошмар? Или исчез, так и не сбывшись, один из вариантов грядущего? А может и не исчез вовсе – просто реализуется где-то еще, вне круга времени, что замкнуло бешеной скачкой. Как часто происходит такое? И как давно?

Ответов не было. Только вдруг заболел разбитый после многих часов верховой езды зад, да ссадины ожгло, будто плетью. Впору было всерьез задуматься, но, хоть убей, не хотелось.

– Чего орал ночью? – спросил Краддок. – Жуть всякая снилась? Мне тоже – у нас, в Арморике, такие сны «ночной кобылой» зовут.

– Да уж, – вздохнул Николай. – Удачно назвали...

И глянул через плечо гэлла на маленькую фигурку в белых одеждах, что молча стояла на берегу. Вот девушка прыгнула с обрыва, как с вышки «солдатиком», и... пошла по воде, легко и непринужденно поправ монополию Бога истинного. Словно дикая лошадь, идущая шагом, сверкая густой золотистой гривой. Николай сдержал изумленный возглас. Что-то подсказывало: никто другой не видит ее. А вскоре она и вовсе исчезла во мгле у противоположного берега.

Глава XI

Лагерь свернули в два счета, однако второго сигнала, обычно велевшего выступить, так и не было. Заменой стал долгий, надсадный рев боевой тревоги. Труба хрипела, как от бес- сильной ярости, когда сверху первыми, редкими каплями готового хлынуть дождя посыпались стрелы. Кто-то ругнулся, кто-то взвыл от смертельной боли, но вскоре все заглушили тяжелые, будто камни, шаги, лязг металла и резкие выкрики центурионов.

Миг – и гул шагов оборвался. Воины встали, как вкопанные, сомкнув ряды вокруг немно- гочисленного обоза. Николай занял свое место в строю, ближе к центру – высокий рост поз- волял ему бить через головы впереди стоящих. И хорошо, слишком хорошо было видно, что происходит там, за неровной стеной щитов. К такому никто, никогда не сумел бы привыкнуть.

Из-за холма с пронзительным кличем вылетали всадники. Сотни, тысячи – так саранча внезапно сыпется из облаков пыли на апеннинские луга и пашни. И все, как один, стреляли из луков, с бешеной скоростью посылая смертоносные тучи за разом раз.

– Хунну! – пронеслись по живому кольцу тревожные голоса.

Николай вздрогнул при звуках этого слишком хорошо знакомого слова. Он был уверен, что не забудет его, пока жив.

Многие вокруг упали после первых же выстрелов. Тело плечистого, широкого в кости воина, что невольно прикрыл Николая от смерти, легло дырявым мешком под ноги уцелевшим. О том, чтобы спасти обоз, уже не могло быть и речи – выбраться бы из этого ада самим!

– В «черепahu»! Строиться в «черепahu»! – вдруг раздалась команда.

Казалось, это равносильно самоубийству. Стоило нарушить прежний, не оправдавший себя боевой порядок, как лавина всадников понеслась вперед, надеясь атаковать раньше, чем строй вновь сомкнется. В воздухе засвистели арканы, сверкнули клинки, но щиты уже подня- лись над головами легионеров грохочущим панцирем. И только стоявшие по краям каре про- должали держать их перед собою, прикрывая почти беззащитные в легких доспехах тела.

Строй «черепahu» римляне часто использовали, штурмуя крепости. Годился он и для обороны – если врага со всех сторон встречали лицом к лицу. Взломать такую защиту могли только выстрелы с места, в упор, и сделать это было непросто.

Всадники на мохнатых, приземистых лошадях кружили, рыскали, как стая гиен, что ищет поживу. Но слабых мест не было – отовсюду в нападавших летели копыя. Раненые кони с пеной у рта шарахались в стороны, тесня врагов, мешая им целиться. А если стрелы все-таки нахо- дили добычу, ряды вновь смыкались, закрывая щитами упавших. Это не могло продолжаться вечно, и все же каждый из легиона словно на что-то надеялся. До сумасшествия, до последней черты, до отчаянного призыва, что вырвался будто сам, подхваченный сотнями глоток.

– Ника!

Аларии, изгои Рима, предпочли этот древний клич Виктории латинян. Имя богини победы, так созвучное его собственному, Николай повторял, словно мантру. А вскоре уже орал, надрывая глотку, следом за остальными, бил сверкающим лезвием в поднятый щит. Не жалея сил, не позволяя себе раздумывать о последствиях. Он чувствовал: это не просто красивый звук, по крайней мере, теперь.

Строй развернулся, на миг отбросив варваров градом копий. Фланги остались откры- тыми, но что было думать об этом? В первых рядах обнажили клинки – навстречу новой атаке врага, видно, решившего, наконец, переломить ход битвы одним ударом. С лязгом и грохотом «черепahu» двинулась навстречу летящей коннице.

– Ника! Ника! Ника! – несло в такт размеренной, по-прежнему твердой поступи леги- онеров.

«Черепаша» оправдывала свое название: наступала она медленно и неуклюже. Но те скупые шаги, что удалось сделать под градом стрел, были для каждого здесь ценней всех дворцов и сокровищ мира. Чуть вперед – и пролетит мимо, над головой по дуге, твоя пернатая смерть. Вперед – и в испуге шарахнется конь, налетев на внезапно выросшую преграду. Дрогнет рука, разматывая аркан, скользнет бессильно вражий клинок, опоздав на долю мгновения... Но все решит битва: лишь она проверяет истинность полководческих догм.

«Секунда кажется вечностью» – расхожая фраза, затертая бесчисленными языками до дыр. Но кто из твердивших об этом хоть раз пережил подобное? На гребне людской волны Николай чувствовал, как упала на спину мертвым грузом и давит миллионами лет усталость прошедшей ночи. Сандалии – будто оковы, каждое звено убогой кольчужки всей тяжестью гнет к земле. И неподъемный, ломающий руку щит, будь он проклят! В мире вчерашнего сна Николай был едва ли не богом. Но здесь он ощущал себя слабым, ничтожным, чужим – до тех пор, пока два войска не сшиблись друг с другом в неистовой жажде убийства. Для самоуничтожения больше не было сил.

Шум, скрежет неслись, будто прямо из ада. Вставали на дыбы кони, а следом – усеянная телами земля. Смерть была совсем близко, мелькая в налитых кровью глазах лошадей и всадников. И с нею – безумие, рука об руку...

– Ника!!!

Заревой всполох вдруг охватил полнеба. Исполинского роста женщина вздымала над горизонтом меч – точь-в-точь монумент победы в традиционном стиле. Только вместо бронзы – пламя и раскаленные докрасна облака, что струились, как складки одежды. Богиня явилась на зов героев. Или нездешняя, чуждая сущность воспользовалась призывом, чтобы, наконец, пройти в этот мир?

Навстречу словно из огненных недр земли поднялась живая гора и с ревом выбросила вперед могучие лапы-оползни. Монстр и богиня сцепились в яркой, ослепительной вспышке. А когда пелена упала с обожженных глаз, Николай разглядел лишь пыль от копыт мчавшей в разные стороны конницы. Легионерам же просто некуда было бежать.

* * *

– Смотри! – прохрипел раненый Краддок, приподнявшись на локте.

У самого горизонта что-то невероятно громадное бесшумно двигалось, извиваясь, как отрубленное щупальце спрута. Взметнулось, застыло, все больше похожее на окаменевшую руку с когтистыми пальцами. И рухнув, будто подкошенное, ударило кулаком по земле. На этот раз звук услышали все. И явственно ощутили, как твердь колыхается под ногами.

– Это, должно быть, Астур, бог хунну, – со странным до жути спокойствием произнес кто-то. – Вернее все, что от него осталось. Грязные варвары наконец заплатились за свои набеги.

– Ники тоже больше нет, – морщась от боли, откликнулся Краддок. – Сгорела от ран, рассыпалась пеплом. Сдается мне, все боги смертны. И убивают они друг друга, прямо как люди – за земли и власть.

Никто не прервал святотатца, хоть в легионах и чтили древних богов гораздо охотнее, чем Христа. И дело было не в черной неблагодарности. «На войне нет безбожников», – учил Николая чужой, позаимствованный из книжек опыт. Но здесь и сейчас уцелевшим вряд ли хотелось веровать или даже верить. И уж тем более не хватало сил изумляться. Страха – и того не было, ведь его всегда питает хоть слабая, но надежда, которую боязно потерять. А впереди мог ждать только ад новых битв – что может быть хуже, если воюешь по принуждению?

Николай безразлично смотрел, как тают, словно туман на ветру, остатки разрубленной туши. Бог хунну, надо же! И его тоже призвали верные почитатели? Вот и бегут теперь, сломя головы... Да и вообще, что они делают здесь, эти варвары, чья родина в половине земного

шара отсюда? А, к черту! К Астуру и всем иным-прочим! Сбитые наземь всадники в косматых звериных шкурах уже ничего не ответят. О своих думать надо – живых и мертвых.

– Степь горит! – привел в себя Николая тревожный крик.

Ветер катил по равнине широкие волны пламени. Дым застилал небо, до боли резал глаза. Воздух дрожал и гудел, как натянутая на барабан кожа. Глядя на огненный шторм, Николай не мог убедить себя, что этот пожар – лишь жестокая игра природы. Словно море напалма разлили вокруг. Или у вечно юных богов кровь такая горячая?

Ветер задул сильнее, и стало уже не до шуток. Степная трава занималась дьявольски быстро – не то, что разрозненные колючки в пустыне! Было ясно: пожар не пройдет стороной.

«Прочь! – вопили хором инстинкты. – Прочь от огня, к реке, на другой, спасительный берег!». Лишь по привычке скованного дисциплиной легионера Николай оглянулся на остальных.

Никто не подался назад. Иные будто и вовсе сошли с ума – жгли траву перед наступавшим огненным валом! Впрочем, Николай знал этот старый, как мир, способ отбросить пламя, в одночасье лишив его пищи. Вот только сам не вспомнил, не пришлось в сдуревшую от паники голову.

Встречный огонь не тушил пожар, но заставил его отступить на время. Вокруг кипела работа – легионеры вязали в снопы траву, быстро высохшую на горячем воздухе. Шатры превращались в мешки, набитые сеном, и каждый такой наспех сделанный плот мог удержать на плаву несколько воинов с боевым снаряжением. Даже спасаясь, нельзя было бросить доспехи и меч.

– Возьмем с собой и щиты! – услышал Николай знакомый голос с рычащим германским акцентом. – Сам дьявол не знает, что ждет нас дальше!

Вместе с рыжеволосым тевтоном Ульриком плот спускали на воду еще двое. Николай им помочь не мог – был занят тем, что осторожно вел под руку Краддока, потерявшего уйму сил. С другой стороны раненого поддерживал Осия.

– Плывите с нами! – окликнул их неугомонный Ульрик. – У нас еще мало людей, места хватит.

У самого берега Николай едва не упал, ступая по скользкой, окровавленной плоти. Мулы, погонщики-рабы из обоза – по Римскому праву, всего лишь движимое имущество... Прежде Николай не поверил бы, что залп из множества луков может разорвать тело буквально в клочья. Теперь убедился, но легче от этого явно не стало. Точно такая же кровь присохла к его рукам – все-таки убил этим утром кого-то. Только холодная речная вода помогла одолеть тошноту.

Мягкое, вязкое дно вдруг ушло из-под ног, и Николай забарахтался, держась за неровный бок плота. Свободной рукой приходилось грести, толкая плавучий стог сена вперед. Дружные усилия пятерых легионеров медленно, но верно делали свое дело. Шестой – раненый Краддок – возлежал на плоту, как римский аристократ на роскошном ложе. Но вряд ли был столь же счастлив: лицо его исказила боль.

На середине реки показалась либурна. За нею двигалась целая стая рыбацких лодок. На плотках восторженно закричали – так приветствуют друзей и спасителей. И многие даже не успели понять, что случилось, когда стрелы вновь пошли косым ливнем, теперь уже над водой.

Залпы с бортов либурны довершили начатое варварами на чужом берегу. На этот раз стрелкам почти не мешали щиты – немногие легионеры вняли советам таких, как Ульрик. Но даже самым благоразумным не удавалось спастись. Их, обессиленных, сломленных, били с лодок баграми, как полудохлую рыбу. А вдалеке черным знаменем мятежа взвился над водой дым, словно пожар перекинулся через реку. Горела крепость – последний заслон на пути смерти и хаоса в этом краю.

Все это Николай видел смутно, урывками, точно старый фильм сквозь рябь заезженной черно-белой пленки. Людям на его плоту не посчастливилось затеряться в кровавой сумятице. Стрелы десятками вонзались в щиты, прикрывшие спины. А то и вовсе в тонкое, хоть и смоленое полотно шатра, угрожая опасными течами.

Низкорослый, ловкий как обезьяна грек, что взобрался на плот и поднял свой щит над Крадкоком, вдруг с воплем рухнул обратно в воду. Алые брызги падали во все стороны, доспехи камнем тянули на дно. Вмиг обезумев, несчастный из последних сил вцепился Николаю в лодыжку и потащил за собою вниз. Река сомкнулась над головой, в ушах колокольчиками зазвенели голоса бесчисленных зеленоватых созданий, что требовали одного – жертвы. Чьей-то души, обреченной самим повелителем небесных гончих, в обмен на жизни и души всех, оставшихся на плоту. Доверить судьбу скользким лапкам волшебниц-ундин – а разве была иная возможность уйти от гибели?

Чья-то рука успела схватить Николая за волосы, пара других обняла и рванула навстречу светлomu пятну неба. Пытаясь помочь товарищам, Николай пинком отбросил живой, все еще цеплявшийся груз. И с первыми вдохами подавил приступ жалости и раскаяния. Он уверял себя, что насквозь пробитый стрелой парень в любом случае не жилец, что смерть одного оправдана, если благодаря этому выживут остальные. А если не выживут, то уже все равно. Из такого дерьма никому не вылезти в одиночку. Оставалось надеяться, что водная нечисть умеет держать слово лучше, чем сонмы святых, обещавших за праведность рай.

Тем временем небо подернулось странной, дрожащею пеленой. С тихим плеском она то накатывала, то вновь отступала, как мутные волны Дуная. Все остальные звуки словно канули в глубину. Казалось, что плот окружен прозрачными водяными стенами, оставлявшими только один путь – вперед, в бесконечность.

Мимо лениво двигался обшарпанный борт либурны, весла медленно колыхались, как стебли камыша над водой, а стрелы и вовсе замерли в искаженном пространстве. И лишь впереди мчалась целая стая теней, догоняя одну – затравленную, неприкаянную. Ундины играли, им явно нравилась жертва. И Николай против воли залюбовался ими, уже погружаясь в neodолимый колдовской сон.

Глава XII

Во сне утонувший воин скакал вокруг, улыбался и щелкал невероятно большими зубами, а вместо языка показывал жирную, глазастую личинку размером с кулак. Затем его сменил Краддок, превратившись в крылатого волка. И все-таки это был сон. Не чета недавним видениям конца света – настолько явственным, что приходилось тратить на них последние силы.

Очнувшись рядом с плотом на берегу, среди лежавших вповалку тел, Николай почувствовал себя на удивление отдохнувшим и свежим. Даже кольчуга и шлем не заставили болеть мышцы, а сырость и холодный ветер – дрожать. Обессиленный Краддок, упав под прибрежной ивой, ругался сквозь зубы на скверной латыни и тихо стонал. А значит, был по-прежнему жив, как и вся оставшаяся команда. Николай мог бы назвать это чудом, не заплати он страшную цену речным хозяйкам. Верят ли остальные, что грека просто не успели спасти? Или предпочитают вообще не задумываться, не в силах понять сверхъестественное?

Рана у Краддока была трудной, хоть и не смертельно опасной. Стрела глубоко вонзилась в мышцу бедра, и лишь по счастливой случайности не задела ни кость, ни жилу. Крови могло вытечь много, но оставлять наконечник, как в бочке затычку, теперь казалось излишней предосторожностью. Прежде чем дернуть, Николай затаил потуже обрывок ремня – еще на том берегу им перехватили ногу чуть выше раны, чтобы остановить фонтан.

– Не перестарайся, – продрав глаза, тут же вмешался Осия. – Пусть вся больная кровь выйдет!

Николай скептически хмыкнул, хотя ничего лучше предложить не мог. Другой защиты от внутренних инфекций и в помине не было. Разве что прижечь рану каленым железом – это тоже сделали вскоре для пущей уверенности. Пациент шептал проклятия, несовместимые с жизнью лекарей, доведись им сбыться. Но ни разу не сорвался на крик – в любое мгновение маленький отряд мог быть обнаружен. И так искушали судьбу, безнаказанно прохрапев полдня!

В ладони у Николая очутилось плоское, довольно тяжелое острие. Не костяное, какие он прежде видел у хунну. Кричное железо – прогресс, однако... Краддоку повезло: стреляли, уже отступая, наверняка издали, и кольчужная юбка смягчила удар. Многих, несмотря на доспехи, убивали с одного выстрела. И скольких еще убьют?

– Стой! – вдруг заорал вопреки осторожности Марк, вместе с Ульриком вызвавшийся охранять лагерь.

Германец лишь молча прыгнул в кусты и, после недолгой борьбы, показался оттуда, держа за волосы шуплого юношу в изорванной домотканой одежде. К горлу добычи Ульрик приставил кинжал.

– Я из крепости! – чуть не плакал юнец, дрожа от испуга. – Наемники взбунтовались, прирезали командиров, префекта вашего с квестором тоже... Либурну взяли, крепость сожгли!

– Знаем! Где остальные?

– Кто убежал, кого закололи, кого угнали... Я здесь один прячусь.

– Тоже мне, воин! – презрительно бросил Ульрик, все еще прижимая острое лезвие к горлу пленного.

– Звать как? – уже спокойнее спросил Марк.

– Люций! – обрадовался мальчишка.

И тут же добавил, должно быть, расслышав знакомый говор:

– Из Капуи родом.

– Земляки мы с тобой, выходит, – усмехнулся Марк. – В крепости пусто?

– Никого, одни развалины...

– Пойдешь туда с нами! – германец подтолкнул Люция в спину. – Соврал – пожалеешь, что родился на свет!

Шли долго – Краддок едва ковылял, опираясь на палку. Хлипкий дерн под ногами то и дело проваливался в болотную жижу и грязь. Хор обезумевших по весне лягушек грозил dokonать их невольных слушателей.

Крепость и вправду сгорела почти дотла. На пепелище было пусто, как в римской церкви в дни языческих праздников. Должно быть, суеверные мятежники-варвары побросали трупы в Дунай, но даже это пейзаж не облагородило. Напротив, пустота обгоревших руин на исходе дня рождала в душе гнетущее чувство.

«Странно, – подумалось Николаю. – Кому это надо – спалить какой-никакой, а все-таки укрепленный пункт? Ведь для бунтовщиков он стал бы неплохой базой!».

Но что-то подсказывало: здравый смысл здесь бессилён. Крепость, при всей ее неказистости и убогости, была символом власти ненавистного Рима на этой земле. Бельмо на глазу, вроде Бастилии для французов. Или как советская военная база в Скрунде для маленькой, но гордой и независимой Латвии. Карфаген для того же Рима, Иерихон для древних сынов Израиля... Список можно было продолжить – хватило бы знаний из школьного курса. Все это могли сохранить и с толком использовать, но предпочли разрушить. До основания, а затем... Ненависть – страшная сила, к тому же одна из самых неуправляемых.

– Прах к праху, – с натугой ерничал Краддок. – Дерьмо к дерьму. Покойся с миром, префект наш Клавдий Георгиан, любитель мальчиков и рифмованных сказок на ночь. Благословенна рыба, что вкусит плоти твоей! Аминь!

– Заткнись! – оборвал Николай по-русски.

Как ни удивительно, поняли все.

* * *

Степь снова горела – на этот раз вдалеке от границы, на римской стороне, где десятки разрозненных поселений были хоть небогатой, но легкой добычей для мародеров. Пашням плодородной Эллады, рудникам Галлии, храмам и дворцам Апеннин пока еще ничего не грозило. А значит, резонно было предположить, что ни в Равенне, ни в Риме никто из-за этого и пах не почешет. Шестерке отрезанных от всего мира бойцов приходилось рассчитывать лишь на себя.

Высунуть нос за ограду, наспех сооруженную из остатков крепостной стены, равнялось попытке самоубийства. Шестеро не могли помешать грабежу и резне, если грабить и резать принялись сотни. Больше всех по этому поводу сокрушался Ульрик, не терявший, однако, надежды.

– Готов поспорить, – раздавался его громовой рык, – что наш тринадцатый легион утопит мятежных собак в Дунае! Не сегодня, так завтра он будет здесь!

– Наш легион? – не выдержал однажды Краддок. – Когда это он стал нашим? Мы аларии, набранные по призыву. Никто из римлян не спрашивал, в каком легионе мы хотим служить!

– И хотим ли вообще служить Риму, – встрял Осия.

– Так какого черта вы не сбежали отсюда, пока могли? – кипятился Ульрик.

– Каждый живет, воюет и молится сам за себя, – философски заметил гэлл. – Пусть даже и ради общего дела. А наше дело, как только дойдет до драки – прикрыть твою безрассудную задницу. Не важно, понадобится ли она Риму, Богу, дьяволу, или все-таки нет. А легион не придет, помяни мое слово!

Услышав последнюю фразу, Ульрик взвыл, готовый броситься на пессимиста с оружием. Но, видно, устыдился – Краддок еще волочил заживавшую ногу.

– В битве гэлл боится глянуть в глаза тевтону! – только и нашлось, что сказать в ответ.

– Еще бы! – легко согласился Краддок. – Всякого страшит бездонная пустота...

В этом споре, ставшем уже почти ритуалом, Марк и Люций всегда брали сторону Ульрика. Им, истинным римлянам, наверняка льстил великодержавный патриотизм. Германца

тоже можно было понять. Прожив полжизни в дикой глуши где-то на берегах Рейна, он видел в Римской Империи земную обитель богов, свет высочайшей истины в темном, погрязшем в невежестве мире. «Рим бессмертный», «сенат и римский народ» – эти слова для таких, как он, не утратили смысла. И невдомек было, что Рим исчерпал свою прежнюю мощь и медленно гниет заживо. Что сенат – лишь игрушка в руках императоров, а римский народ развращен подачками и до смерти запуган со всех сторон. Сам Николай давно это понял, ведь он родился и вырос в похожих до тошноты условиях. Опыт – его не пропьешь.

И все же разубеждать честного Ульрика фактами было бы уже слишком. Отними у верующего идеал – получишь тряпичную куклу взамен человека. Непозволительная роскошь там, где позарез нужен каждый. Ведь и Николай верил, но по-другому, вопреки желанию и надежде. В то, что легион все-таки не придет.

* * *

Размеренная, осторожная жизнь шла своим чередом. В тот день Ульрик мирно рыбачил, просунув удилице сквозь частокол над рекой, откуда Люций вытаскивал острым сучком угордивших в ров, уже полумертвых сусликов. Еды, как ни странно, хватало, чтобы не чувствовать голода. Но Николай был уверен, что скоро при таком рационе отряд навестит ужасная гостя – цинга. Ведь никакими силами нельзя было заставить Марка, а тем более Люция, пить кровь добытых животных. С другой стороны, риск поймать какую-нибудь заразу был на порядок выше для остальных. Хорошо хоть речную воду кипятить выучились – прямо в шлемах.

– Смотрите!

Самодельное копьецо Люция вдруг ткнулось в глубокий темный провал, словно по волшебству открывшийся глазу. Лопаты, с которыми не расставались, как и с оружием, позволили быстро проникнуть внутрь. Сверкнул кремь, поджигая сноп сухой травы, будто факел.

Подземелье, точь-в-точь повторявшее контуры крепости, было облицовано гладким, как детская щека, камнем. Повсюду на стенах виднелись цветные фрески, но лишь одна сохранилась достаточно хорошо, чтобы рассмотреть ее.

Стройный юноша в пурпурных одеждах, оседлав белого, в пятнах быка, вонзил ему в горло клинок. Лицо убийцы казалось Николаю странно знакомым, и все же он мог поклясться, что не видел его никогда.

Припавший к земле пес – мощный, поджарый, как гончая – тщетно пытался лизнуть кровь, что стекала вниз. В кровавой луже извивалась змея, а крупный, с изумительной точностью нарисованный скорпион жалил быку пенис. По сторонам возвышались две странно одетых фигуры с горящими факелами, и черная птица, как вестник беды, распростерла над ними крылья.

– Святилище Митры, – оповестил Краддок, похоже, знакомый со всеми богами и демонами Вселенной. – Ума не приложу, откуда оно взялось в этой гнусной дыре?

– Говорили, будто крепость построена на руинах древнего города, – робко откликнулся Люций, не в силах одолеть суеверный страх. – Такого древнего, что и в летописях о нем ни слова. Никто всерьез, вроде как, и не верил, а все же боязно проверять было.

– Пойдем отсюда! – вмешался практичный Марк. – Уж лучше ночевать у костра под небом, чем в такой сырости. Только время теряем без толку!

– Как знать, – задумчиво произнес Краддок, обходя выложенный на полу круг из камней. – Как знать...

Глава XIII

Стоять в карауле – занятие не из приятных. Вглядываясь в степь, укутанную серебристым от лунного света ночным туманом, Николай пытался вызвать в душе хоть какие-то, пусть даже отрицательные эмоции, чтобы не провалиться в сон. Лучше всего удавались злоба и страх – обстоятельства были самые, что ни на есть, подходящие.

Близкий в темноте горизонт то и дело бросал сквозь туман ленивые всполохи. Догорали деревни, пострадавшие от мятежа. Какими должны быть люди, что, лишь увидев мельком богов, спешили принести им кровавые жертвы? Или знамения свыше – только один из поводов резать и жечь?

Едва ли Николай мог понять, какие силы стоят за всем этим. Но честно пытался – аж мороз по коже. Меньше знаешь – крепче спишь, а спать как раз и нельзя было. Ни пяти минут, ни секунды, будь оно все проклято!

Дикий вопль рассеял остатки сна. Орал Марк, держась за плечо, будто раненый. Остальные вскочили на ноги, бросаясь отборной руганью в темноту.

– Змея! – сквозь зубы процедил Марк, уже овладев собой. – Мерзкая тварь!

Николай среагировал первым. Сказался весь его опыт, какой только можно приобрести на кишасих гадами караванных путей востока. Стиснув укушенное плечо Марка – до хруста, до стога, – он попытался выжать как можно больше крови из ранки, что вскоре стала зияющей, хорошо заметной даже при скудном свете костра. На всякий случай – два быстрых разреза поперек царапин от змеиных клыков. Теперь из отверстия можно было лакать, как воду, обильную кровянистую жидкость. Губительную, стоит ей только разлиться по жилам, и абсолютно безвредную, если ее проглотить. Яд Николай все-таки сплевывал как можно чаще – хоть и не боялся, но брезговал. Знакомый привкус сладкого миндаля вдруг вызвал у него тошноту.

Пока Николай высасывал яд, Осия рвал на бинты какие-то тряпки. Затем наложили повязку – не слишком туго, чтобы между кожей и тканью со скрипом мог пройти палец. Такой жгут не усиливал повреждение, но надежно перекрывал кровоток.

– Надо найти гадину, – тем временем распорядился Ульрик. – Да побыстрее, не то нападет снова.

Но обнаружилась тварь только утром – в подземелье, под осыпавшейся каменной крошкой. Серое, в черных зигзагах тело свернулось на дне неглубокой норы, готовясь к броску. С громким шипением прыгнуло, извиваясь, будто в агонии, и вдруг застыло, встретив собственный хвост. Ни с чем не сравнимым светом блеснул драгоценный обруч – золотая змея с рубинами глаз, древний венец небожителей и фараонов. Богиня Исида, чей запрещенный культ еще не забыли в империи, изображалась как раз в таком.

– Вот дерьмо! – прошептал еле слышно Краддок, с опаской косясь на совсем недавно живой предмет роскоши.

Похоже, и с него чудес, наконец, хватило.

Плечо у Марка жутко опухло. Он не терял сознание, но взгляд его стал невидящим и пустым, как у просветленного молитвой отшельника. Временами он громко, но неразборчиво пел и смеялся безо всякой причины.

К счастью, укушенный быстро пришел в себя – видать, не так уж и много яда попало в вену. Но что-то случилось не только с ним. Ульрика, Осию и остальных будто подменили – кучкуясь по двое, по трое, они все время переговаривались вполголоса за спиной Николая. Не оставалось сомнений, что каждый из них ночью, тайком, зачем-то совался в подземный храм. Опасная ситуация – в замкнутом, как мышеловка, пространстве и без того было трудно ужиться друг с другом. Но когда Николай почувствовал, что вот-вот сорвется, дав волю кулакам и накопившейся злобе, Ульрик сам подошел к нему.

– Надо поговорить, – коротко бросил германец.

* * *

В подземелье было по-прежнему затхло и сыро. А темень, всегда царившая в этом каменном склепе, теперь и вовсе обволокла сплошной завесой. Да и как могло быть иначе, если повязка плотно перехватила веки? Руки скручены за спиной – это тоже часть ритуала. Жутковатого, но полностью безопасного, как уверяли все пятеро.

Оказалось, что Краддок, Ульрик, Люций и даже убежденный иудей Осия уже успели тайком пройти церемонию – по настоящему совету Марка, в бреду нахватавшегося каких-то странных видений. К подобным иллюзиям относились с благоговейным трепетом – как в Риме, так и за его пределами. Николай это знал, и потому не стал возражать, когда пришла его очередь. Чего не сделаешь ради спокойствия и здорового климата в коллективе!

Кто-то мечом разрубил стянувший запястья ремень. Повязка упала с глаз – таков был символ прозрения неофита, освобожденного от мирских оков перед ликом Митры. Таиться больше не было смысла – теперь приобщились все. И лишь убийца быка на фреске, олицетворявший самого бога, казалось, метнул в Николая недобрый взгляд. Дрогнул, взревел, будто в гневе, костер посреди каменного круга. Но, кроме виновника торжества, вряд ли кто-нибудь заподозрил неладное, а тот не повел и ухом. Что бы ни случилось – хуже, по его мнению, быть уже не могло.

Здесь всем заправлял Марк, утверждая, что вдохновлен Митрой и потому знает, что делает. Глядя на изменившееся, не по-простецки задумчивое лицо бывшего крестьянина, в это было легко поверить. А вот проверить не представлялось возможным – немногие в римской армии знали ритуалы тайного культа.

Вопреки всем нападкам церкви, языческий бог Митра по-прежнему считался покровителем легионеров. Но если простому воину было достаточно общепринятого обряда, то богослужение среди полководцев и центурионов превращалось в сложное, скрытое от низших сословий действие. Теперь же нечто подобное пытался совершить Марк, в недавнем прошлом батрак из Капуи. Кто мог сказать, насколько успешно?

– Возьми! – самозванный служитель Митры протянул Николаю драгоценный венец – змею из чистого золота.

Было странно, что прикасаясь к ней, никто и не вспоминал о недавнем страхе.

– Митра мой венец! – ответил Николай, как учили, и бросил сокровище на пол.

Это тоже было частью спектакля.

Вновь ожив, змея поползла прочь от ритуального пламени и скрылась во мраке. Ее изображение на стене тоже исчезло – будто и вовсе не было. Но и это уже не могло ни испугать, ни заставить хоть на миг усомниться в своем рассудке. Для Николая все было бы просто и ясно – если бы не внезапное ощущение близкой беды.

– Сюда-а!! – истошно завопил Люций, оставшийся в карауле снаружи.

Ограда из кольев вдруг пошатнулось и затрещала. Спустя мгновение целую стену попросту вырвало из земли – как ураганным ветром. Толстые судовые канаты тянула пара крепких коней – наверняка их тайком привели по дну глубокой лощины. Подкрасться ночью и привязать к бревнам веревки мятежникам ничего не стоило. Десятки головорезов, появившись будто из ниоткуда, толпой хлынули сквозь развороченный тын.

Вмиг загнанный назад, в подземелье, Николай едва успел выхватить меч. Ударил клинком под шлем наседавшего с ревом громилу – почти вслепую, не целясь и даже не ощущая, что бьет. И лишь краем глаза увидел, как опрокинулась навзничь закованная в металл туша.

Пришлось отступать под натиском новых врагов, пока спина не уперлась в спину. Встав в круг, легионеры упрямо торговались со смертью – кровавая цена росла. Казалось, вход в храм

будет вскоре наглухо завален телами. Но снова и снова волна атаки сметала все на пути. Все, кроме горстки безумцев, бросивших вызов своей верной гибели.

То, что он еще жив, было для Николая чудом. Но разум вкупе с инстинктом подсказывал: некогда радоваться и некого благодарить. Оставалось лишь драться – молча и безнадежно, заученным шагом сближаясь вплотную, подобно боксеру, входящему в клинч. Резать любое уязвимое место врага, словно окорок, и колотить, до упора вонзая короткий клинок. Никто не прорвался, не выбил душу ударом сзади. И Николай был уверен в своих – таких же убийцах перед лицом собственной смерти.

Но вот, чертыхаясь, пошатнулся и рухнул Марк. Да так и исчез под телами, не в силах подняться. И прежде, чем опасная брешь могла бы открыться в защите, рядом вновь послышалось резкое, хриплое от ярости дыхание бойца. Люций? Мальчишка ведь безоружен!

Спиной к спине, то стоя почти неподвижно, то двигаясь в жутком, свистящем лезвиями мечей хороводе, легионеры раз за разом отбрасывали бешеную толпу. Щиты и доспехи, оставленные снаружи, только мешали бы им в этом месиве мертвых и еще живых тел, как сельди в бочку набитых в замкнутое пространство. Зато мечи – короткие римские гладиусы, – были здесь едва ли не идеальным оружием. В подземелье, где едва светили искры затоптанного костра, легко удавалось войти в ближний бой, не позволяя врагу опомниться. Ведь впереди мог быть только враг – даже в темноте не спутать.

К счастью, нападавшие были варварами: служба в наемных римских войсках на краю империи не изменила их. И бились они по-варварски – огромными клинками и топорами на обе руки. В давке таким оружием даже не замахнуть, а значит не победить один на один. Но бунтовщиков было много, дьявольски много. И в собственной гибели Николай не усомнился ни разу – до тех пор, пока скользкий от пота и крови, уже неподъемный меч вместо новой цели не встретил лишь пустоту.

– Марк... – раздался в неожиданной тишине ломкий юный басок.

Тусклый утренний луч выхватил из тьмы окровавленные тела. Люций склонился над одним из них, еще живым, хоть и едва узнаваемым. Склонился, держа клинок на вытянутой руке, будто в нелепой попытке вернуть оружие, подхваченное из рук умирающего, чтобы драться. Боги и демоны! Для юнца это был наверняка первый бой, и как легко он мог стать последним! Жребий выпал другому – хотел верить, что и вправду случайно. Но почему же Николай знал, нутром чувствовал, как поступить, когда это крупное, сильное тело покинут остатки жизни?

– Я сам!

Дрожащие руки нащупали яремную вену. Люций поднялся, шагнул назад, словно боясь, что Николай передумает. Хотелось в тот миг ненавидеть его и себя, хоть и ясно было, что не сумеет. Лишь Марк, чью голову Николай приподнял ладонью, будто и вовсе не ведал зла. На миг показалось, что гримасу боли сменила чуть виноватая, всепрощающая улыбка. Не выдержав этого, Николай опустил меч с такой силой, что удар милосердия превратился в казнь.

А после был теплый, как вода в речке летом, поток, наполнивший пригоршню. Уже знакомый солоноватый вкус. И нарастающий до предела, до истошной поросычьей ноты визг Люция. У парня, в конце концов, сдали нервы. Одно дело – лишь облегчить муки смертельно раненого, другое...

Пламя костра закружилось перед глазами, как во хмелю. На мгновение Николай представил себя летящим посреди огненного туннеля, закрученного в спираль. Снаружи горели, взрывались и гасли звезды – он скорей ощущал их, чем видел. А за ним, раскрыв бездонную, черную пасть, гналась пустота – то, чему нет даже имени. Не уйти, не укрыться, не быть!

Из темноты шагнули Краддок и Осия, следом – Ульрик. Рука германца мгновенно стиснула рукоять меча.

– Это обычай моей страны, – вновь хлебнув крови, заговорил Саган, именно Саган, а не прежний, все еще боявшийся самого себя Николай. – Так он продолжит жить – в нас.

Удивительно, но даже себе получалось верить. Будто вспомнилось: ТАМ, откуда Николай на самом деле был родом, такое и вправду в порядке вещей. И это «там» не имело ничего общего с тесным, обшарпанным городом, где его произвели на свет. Было бы в пору сойти с ума, оставайся он, как и прежде, лишь человеком. Но остальные...

Первым возле убитого присел Краддок. Пил долго, не отрываясь даже на миг. Должно быть, его просто мучила жажда – хорошо знакомое Николаю чувство. Осию с Ульриком тоже не пришлось долго ждать. Все это выглядело на удивление просто и буднично, словно хлестали дешевое пойло в римской харчевне. Не слуги вечного зла, не импозантные готические вампиры – потные, обросшие мужики после грязной работы.

– Нет, нельзя! – захлебываясь слезами, пытался протестовать Люций. – Мы не варвары!

– Пей! – сказал Николай почти ласково – так ребенка просят выпить лекарство.

И с силой притянул его голову к свежему трупу.

А память вновь оживала, наворачивая круги по проклятому огненному лабиринту. Очувтившись здесь, в мире спокойного и безопасного света, Николай – в тот миг еще просто НЕКТО – сразу понял, что ему повезло. В рубашке родился, хоть и не дышал сперва – так, кажется, о нем говорили. И он уже тогда мог ответить странным, хлопотавшим вокруг него существам в белых одеждах. Но что-то велело ему затаиться и как можно больше молчать и слушать. Так почему же теперь потерял осторожность, ведь и трех десятков лет не прошло?

Кровь и плоть. Что одно без другого? Смиренная паства разом упала бы в обморок, доведись ей узнать, откуда берет начало таинство с вином и хлебом. Николай узнал, а точнее вспомнил. И потому отщипнул от Марка лишь небольшой, удивительно мягкий кусочек из раны – на прощание перед погребальным костром. Другие сделали то же самое, вслух мечтая, как до отвала наедятся мертвыми и умирающими врагами. Коллективное помешательство? Может быть.

– Надо выкинуть в реку всех, кто остался, – сытно рыгнув, посоветовал вскоре Краддок. – Иначе здесь будет жуткая вонь.

Глава XIV

Новые гости пришли неделю спустя – полторы сотни, не меньше. Наспех вооруженные, одетые явно в чужое, они стояли вдоль новой ограды, нерешительно переминаясь и кашляя. Самый рослый – должно быть, их предводитель – держал в руке нечто, похожее на сырой окорок. Николай не хотел присматриваться: после безумного пиршества ему было не по себе. Но отвести взгляд значило показать слабость. Здесь, на дикой, часто менявшей хозяев земле, человек все еще жил по законам предков-животных.

Николай, как и его товарищи, видел незваных гостей впервые. В этих краях люди привыкли жить скрытно, и если уж не могли помешать чужакам, то старались, хотя бы, не попадаться им на глаза. И никогда в крепости не служил ни один местный житель. Куда спокойнее для империи разослать воинов по чужим провинциям! Если взбунтуются, то будут лишь убивать и грабить, а не подстрекать народ к независимости.

Гарнизон набирали как можно дальше от здешних мест – то ли в Батавии, то ли вовсе где-то в северных дебрях. Иногда попадались и настоящие, хоть и незнатные римляне, вроде Люция. Впрочем, для последних все варвары от Дуная до берегов «холодных морей» были на одно лицо и звались одинаково – маркоманнами. В буквальном переводе – людьми пограничья. Собравшиеся здесь как нельзя лучше соответствовали этому имени. Наверняка выдавшие виды, тертые и битые жизнью, они не выглядели героями. Но терпения вкупе с упрямством у каждого хватило бы на десятерых. Иначе в такое время и в таком месте нельзя было выжить.

– Что вам нужно? – заговорил первым Ульрик.

– Мы видели... – латынь вожака пришлых была просто чудовищной. – Мы видели – двое прискакали вчера. Остальных, кто шел на вас, больше нет. Это добрый знак – с вами боги. Мы перестали бояться. Вот!

Станный предмет вдруг с силой шлепнулся наземь перед легионерами.

– Голова! – вырвалось у потрясенного Николая.

После того, что случилось недавно, он с трудом мог на такое смотреть.

– Это Сар, центурион из крепости! – пробормотал бледный, как полотно, Люций, едва опознав лицо в жутком месиве разбитой, опухшей плоти.

– Он делал много зла, – продолжал вожак, – он и его прихвостни. Жгли, брали детей и женщин, а мужчин убивали, как скот... Теперь и с нами боги, мы не боимся! Мы отомстили за наши деревни, всем врагам до единого! Но есть еще хунну, и скоро они придут. Примем бой – вместе!

– Сперва нужно многое сделать, – осадил новоиспеченного союзника Ульрик. – За работу!

Дел и вправду хватало. И Ульрик, служивший империи больше десятка лет, знал в них толк. Народу прибавилось, а значит, надо было как можно скорее выстроить постоянный лагерь. От временных полевых укреплений он отличался, как дворец от хижины. Идеально ровный квадрат величиной с площадь в провинциальном городе, никак не меньше. Стены из толстых бревен, по крайней мере, в три человеческих роста и деревянные башни в несколько этажей.

В каждой стене – ворота, чтобы ни при каких обстоятельствах не возникла давка. Главные из них носили звучное имя порта претория и по священным канонам римской военной науки всегда и всюду были обращены к врагу. Не отступили от правила и на этот раз, хоть главный выход вел напрямик в реку. Ульрик, без возражений ставший негласным лидером, надеялся вскоре отстроить пристань и даже разжиться новой либурной или биремой. Пока он разве что насмешил богов грандиозными планами, но в будущем это имело смысл.

Близость реки сулила и более ощутимые выгоды. Глубокий ров, окруживший лагерь, наполнился вмиг водой, и вместе с обязательным валом стал грозной линией обороны. Кроме того, соседство с Дунаем сводило на нет опасность пожаров и губительной жажды. Весьма кстати, если учитывать плотность застройки. Бараков, крытых соломой, хватило бы и на три сотни воинов вместе со стариками, женами и детьми.

– Пригодится, – объяснял непонятливым Ульрик. – Скоро к нам придет столько народу, что и птице некуда будет гадить, кроме как на головы.

Хотелось верить и даже надеяться. Так или иначе, работа на полный износ отвлекла Николая от перспективной идеи – сжечь себя, вурдалака и каннибала проклятого, заживо.

* * *

Люди и в самом деле прибывали. День за днем, поодиночке и целыми толпами. Многие в знак верности Риму несли трофеи – головы и прочие органы вожаков мелких банд, что сами не успокоились после казни Сара. Николай с трудом понимал, как победа горстки легионеров могла встряхнуть, поднять на дыбы целый край. Но гордости не испытывал – в душе было холодно и темно, как в могиле. И так же глухо – выхода из ловушки, в которую Николай загнал сам себя, не предвиделось.

– Рыба с низовьев – крупная, жирная, свежая! Всю бери, дешево, не пожалеешь!

Настырный купец рисковал в тот миг получить не только желанную прибыль. Но Николай заставил себя сдержаться – у человека свой интерес, да и Ульрику помочь надо. Снабжение войска, если все делать по совести и уму, испокон веков было трудной задачей. Говорили же в свое время родители: «Поступай на экономический!» А впрочем, когда меняешь разнообразное барахло с трупов на еду, лес и скобяное железо, опыт бухгалтера или финансиста необходим, как корове конский доспех. Лучше всех в подобных делах разбирался Осия, но тот безнадёжно застрял в другом конце лагеря, громко бранясь с продавцами овощей и зерна. Стоило только всерьез закрепить на берегу, как от торговцев не стало отбоя. А значит, жизнь продолжалась – несмотря ни на что.

Высокий человек в пестрой, расшитой странным узором накидке из козьей шкуры молча ждал, когда Николай завершит торг. А после шагнул к нему, все еще не проронив ни слова. Со стороны его можно было принять за бродячего предсказателя, что за плату гадает воинам о судьбе и смерти. В свое время и Николай зарабатывал тем же. Быть может, потому и не сразу понял, кто на самом деле стоит перед ним. Ведь лицо у гостя было иным, чем тогда, под стенами цитадели Агнца.

– Ты позабыл кое-что, – знакомый голос, похожий на клекот птицы. . .

В ладонь Николая, будто сам собой, появившись из ниоткуда, лег монашеский нож, казалось бы, навсегда утерянный.

– Есть вещи, которые просто так не исчезнут, – ответил гость на немой вопрос. – Слишком многое вобрали они в себя. Вспомни, где уцелел, что выдержал этот кусок металла.

Странно, но даже такого объяснения было достаточно. Николай вмиг представил пылающий ад посреди пустыни, пепел врагов и друзей на проклятой всеми богами земле. Теперь к едкой горечи той неизбежной жертвы добавился вкус новой крови. Сколько прольется еще?

– Не истязай себя и не кайся, – вновь собеседник будто опередил его мысли. – И тем, кто рядом, не позволяй этого. Иначе уподобишься рабам Агнца – его вина, что пришлось исполнить кровавый обряд.

– Выходит. . . – собственный голос не слушался Николая. – Выходит, Марк был обречен заранее?

– Он сам себе выбрал судьбу, – прозвучал бесстрастный ответ. – В тот миг, когда окончательно предпочел разуму веру. Змеиный яд лишь заставил открыться все его страхи и сла-

бости, недостойные такого, как он. Жизнь – это пир, и пресыщенным лучше уйти, чем скучать и мучиться.

Николай едва не схватился в гневе за меч – настолько чуждыми и враждебными показались ему слова гостя. Все, что внушали с пеленок, со школьной скамьи, с первых дней самостоятельной жизни противоречило этому. Но все-таки он сдержался. Что-то подсказывало: клинок повстречал бы лишь воздух. И вспомнилось...

Улица вдоль церковной стены – узкая, смрадная, полная нищих безумцев. Гнойные язвы, пузыри слюны на губах, шепчущих просьбы о помощи пополам со святыми истинами. И фанатичный блеск воспаленных глаз – совсем как у Марка во время обряда. Христос, Иегова, Митра – не все ли равно?

По узкой, опасной тропе безверия могут пройти лишь немногие. Но ведь и боги не всякому в помощь. Иным и вправду лучше погибнуть, чем ждать, пока безудержная, слепая вера не превратит их в живых покойников.

– А остальные? Те, кто напал на нас в храме?

– Сам знаешь, они поступили на редкость глупо. Зачем нападать, если и поживиться нечем? Кто-то вел их – против воли и здравого смысла.

«И в самом деле, – подумал вдруг Николай. – Только числом и давили, иначе вырезали бы нас с легкостью. Перли вперед, как зомби, как марионетки в чужих руках. Скот на заклание!».

– Ты верно заметил, – будто услышал его гость. – Убийство животных – особое таинство в храмах Митры. Но древние, истинные ритуалы требуют в жертву людей.

– И какова моя роль во всем этом? – Николай против воли вздрогнул.

– Твой символ – голодный пес на храмовой фреске. Инстинкт велел тебе лакать кровь, рвать зубами мясо запретной жертвы. И едва ты осмелился – обряд пошел по-другому, во многом не так, как хотелось бы Митре и его присным. Во имя того, кто придет сюда во плоти – скоро...

– Но как? Зачем? – слова с трудом вырывались из горла, общаться мыслями было еще трудней.

– Лучше спроси самого себя, кто ты!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.